Джина Шэй
МОЙ
БЫВШИЙ
БЫВШИЙ
16+

Джина Шэй

Мой бывший бывший. Книга 1

Серия «Мой бывший бывший», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67314219
SelfPub; 2022

Аннотация

“Бывший муж – человек похуже бывшей тещи, коллектора и черного кота вместе взятых. Встречается в самый неподходящий момент, портит настроение, приносит несчастье и разоблачает тайны. Те самые тайны, которые лично я предпочла бы с ним не делить.”

Он подал на развод, не удостоив её объяснениями.

Он уничтожил её будущее, наказывая за предательство.

И нет у них больше ничего общего, кроме… маленькой хрупкой девочки, которой очень нужен папа.

Смогут ли эти двое зарыть топор войны ради счастья общей дочери? Смогут ли забыть друг другу нанесенные обиды? И какие тайны будут подняты со дна горького прошлого?

Содержание

1. Золушка против принца 4
2. Самый злейший враг 19
3. На подступах к новым высотам 30
4. Собеседование 41
5. Стеклянный потолок 53
6. В трех шагах от правды 64
7. Фортуна обещает потепление 74
8. Вкус сумасшествия 84
9. Не все коту масленица 95
10. Рано или поздно, так или иначе 106
11. Маленькие шаги к большой цели 117
Конец ознакомительного фрагмента. 124

Джина Шэй
Мой бывший бывший. Книга 1

1. Золушка против принца

Бывший муж – человек похуже бывшей тещи, коллектора и черного кота вместе взятых. Встречается в самый неподходящий момент, портит настроение, приносит несчастье и… разоблачает тайны. Те самые тайны, которые лично я предпочла бы с ним не делить…

Впрочем, меня – еще не разоблачили, погодите! Сейчас я просто стою и пытаюсь ровно дышать. И не показывать даже виду, насколько глубоко у меня сейчас рвануло давно забытой и, я надеялась, что к черту сгнившей бомбой.

Боже, восемь лет прошло… Я его уже давно не люблю. Ненавижу – это да. Вот, Вика, помни про это и выдыхай. Выдыхай!

Никто не говорит, слава богу. Яр молчит, разглядывая меня, я – выдыхаю из себя горький табачный дым и смотрю на него. Увы, мне есть на что попялиться. На его фоне ужасно легко ощутить собственную ущербность, ведь там, где у него плюс, – у меня минус.

Я стою перед дверью, за которой грохочет свадьба. Не моя свадьба. Какая жалость, что не моя…

Он – на последних ступеньках лестницы, и там, за его спиной, в люксовом ресторане этажом выше бушует какой-то корпоратив.

Рестораны рядом друг с другом, буквально стенка к стенке, но наш отстаёт на класс. Ровно на одну мишленовскую звездочку.

Первый гол…

У Ветрова – стильная стрижка, идеально выровненные виски.

У меня – абсолютно никакой укладки, просто распущенные волосы, секущиеся концы которых я чуть-чуть подвила на плойку, но они уже распустились. А потому что… Вы видели, вообще, цены на укладки? Нет, у меня, конечно, будет зарплатка за два месяца, и деньги, типа, есть, но ключевое слово тут “зарплатка”. Тратиться на парикмахера – задавила жаба. А самой – было некогда возиться с укладкой: Маруське нужно было погладить блузку для школы с утра. Ну и сама, дура, виновата, что теперь стою тут лохудрой. Надо было гладить вечером.

Ах, да, я отвлеклась, мы же не закончили наш сеанс зрительного мазохизма…

От меня несет сигаретами и пробником, которым я побрызгалась в парфюмерном, чтобы идти на свадьбу к Алине хотя бы с каким-то парфюмом. И надо хотя бы выкинуть си-

гарету, шевелится такое интуитивное желание, я же помню, как Яр воевал с этой моей привычкой. Даже сейчас, глядя на меня, он молчит и укоризненно хмурится. Но сейчас меня меньше всего волнует его мнение, поэтому я только демонстративно затягиваюсь и продолжаю этот самоуничижительный анализ.

От него за два шага пахнет чем-то насмерть элитным. Запах потрясающий настолько, что вдохнешь один раз – и можно ненароком получить оргазм.

У него – восхитительная небритость, плюс сто очков к мужественности.

У меня – самолично сделанный мейк, минус сто очков к естественности. И вообще не важно, что я, совершенно случайно, визажистом подрабатываю. Вы же знаете эту поговорку, про сапожника без сапог? Так вот, с макияжем то же самое. Можно творить на лицах клиенток чертову магию, быть мастером своего дела, но иметь проблемы с тем, как ровно себе нарисовать стрелки.

К нему подходит симпатичная блондинка, в облегающем атласном красном платье с прекрасным видом на третий размер груди. Мисс Горячая Цыпочка— на её ленте написано что-то иное, что-то там про лучшего кадровика года, но я читаю именно так.

А от меня пару минут назад сбежал мой “плюс один” – соблазнился глубоким декольте Алинкиной свидетельницы. Мне сказано – “один танец”. Но мы же взрослые люди, все

понимаем. Сейчас – один танец, а потом эти двое вырулят из туалета, растрепанные и отводящие друг от дружки глаза, типа, они не знакомы. Нет, я не параною, я видела, как именно Руслан лапал ту девицу. И в какую сторону они рулили – я тоже видела.

На мне – синее прошлогоднее платье подруги, которое застегивать пришлось на выдохе и с маминой помощью.

На нем – идеальный, черный как ночь костюмчик, на котором муха не сидела, белоснежная рубашечка, шелковый узкий галстучек и, боже, кажется – платиновые запонки. Господи, вот за что прям так-то со мной?

Запонки – это же как последний гвоздь в крышку моего гроба.

Потому что у меня даже серьги – дешевые, серебряные, хотя я презрительно морщу нос и говорю, что золото, платина, изумруды, там, всякие – это вот мещанство. Хорошая мина при плохой игре? Да, это мое любимое, как вы угадали?

Итак, подведем итог: Ярослав Ветров – сто баллов из ста. Виктория Титова.... Эх! Больше и не скажешь!

Разница сквозит во всем, абсолютно каждая деталь работает на то, чтобы подчеркнуть разницу между нами. Золушка и принц, только фея-крестная на мой вызов не ответила.

Ну, что я могу сказать. Про себя. Только про себя.

Зато у меня есть Маруська! А у Ветрова… А у Ветрова деньги, да!

И все-таки, я сюда вышла покурить и дождаться такси, ко-

торое увезет меня куда-нибудь подальше, лишь бы не натыкаться взглядом на Руслана, «танцующего» раскрасневшуюся свидетельницу и лапающего её гораздо ниже зоны приличия.

А Яр – спустился сверху, из ресторана со второго этажа, где празднует победу в каком-то деле какая-то фирма. И его блондиночка, прижимаясь к нему, выдыхает: “Милый, куда ты ушел? Там сейчас тебя награждать будут”.

Се ля ви.

Награждать, да? Меня сократили, а его награждают. Его, когда-то изгадившего мне адвокатскую карьеру. Его, мудака, из-за которого я, с красным дипломом юрфака, перебиваюсь на зарплату занюханной переводчицы в музее, а по выходным крашу девочек на свадьбы и выпускные.

Вы еще сомневались в том, что жизнь – несправедливая стерва?

– Я через пять минут буду, – бросает Яр блондинке. – Возвращайся наверх, Кристина.

О, да, властный господин всех моих кошмаров – тон у Яра такой повелительный, что Мисс Горячая Цыпочка испаряется во мгновение ока. Чует кошка, что если не сгинет – останется сегодня без горяченького.

– Послушная она у тебя, – не удерживаюсь я, ухмыляясь уголком губ, – сахарок не зажимай ей вечером.

Ну не могу я заткнуться, вот правда. Еще чуть-чуть, и я захлебнусь собственным ядом. Это слишком драматичная

судьба, даже для меня.

Он шлепает ладонями по карманам, вытаскивает из кармана смятую пачку сигарет – блин, она же стоит столько, сколько я денег за день трачу на еду…

Вика, прекрати уже анализировать! Тебе это все не важно! Ты не завидуешь! Вообще! У него деньги есть. А у тебя… У тебя – Маруська. Все? Отлегло?

Ну, почти!

– Огонька не дашь? – лениво уточняет Яр, обращаясь ко мне. Ну вот, всю картину мира мне порушил. А я думала, что сейчас сам президент этому властелину мира прикуривать придет.

– Не дам, – фыркаю я ядовито, – я не подкуриваю невоспитанным мужчинкам.

Да-да, мужчинка. Пусть у него покерфейс на лице, я знаю, что внутренне его корежит. Он терпеть не может все эти «уменьшительные». Слишком оскорбительно для его заоблачного эго.

– Это в чем это я невоспитанный? – брови Яра взлетают вверх. Ну, вот и эго оскорбилось, а я вам что говорила?

– В том, что ты даже не поздоровался, – я пожимаю плечами.

– Здравствуй, Вика, – с фальшивой лаской улыбается Яр, – так не найдется ли у тебя огонька?

– Поздно, я помню, что ты невоспитанный,– я отвечаю ему еще язвительней, чем раньше. Хотя на самом деле мне

просто не хочется вынимать из клатча зажигалку. Нет, не потому что она дешевая. Вы не поверите, сколько я знаю бизнесменов средней руки с дешевыми зажигалками. Проблема совсем в другом. В том, что эта зажигалка слишком дорогая! И, вообще-то, не совсем моя! Очень мне сомнительно, что даже восемь лет спустя Ветров не опознает один из экземпляров его коллекции.

Хотя разве ему не было на него плевать?

– Ты не можешь по-нормальному, да? – хмуро интересуется Яр.

– Расскажи мне, что значит для тебя нормально, Ярик? – я насмешливо кривлю губы и досадливо кошусь на парковку.

Где такси? Где это чертово такси?

Я уже устала смотреть на этого чертова успешного ублюдка и ощущать себя никчемной. Ну и… И кое-что еще за моей спиной тихонько покашливает. И пусть Ветров совершенно точно не разоблачит меня, с чего: столько лет не интересоваться моей жизнью, как получил свидетельство о разводе – так вообще поди забыл, кто я такая и как меня зовут. Все равно покашливает.

Яр щурится. У него глаза цвета ультрамарина. Настолько яркие, что это просто неприлично – иметь такие вызывающе броские глаза. Впрочем, не я одна пала их жертвой, я точно знаю.

Он косится на стеклянные двери нижнего зала ресторана, за которыми беснуются в каком-то идиотском конкурсе

с шариками Алинкины гости.

– Там, кажется, весело. Не рано уезжаешь? – Яр бросает взгляд на часы. Этот жест, выставляющий платиновый браслет дорогущих ролексов на сухом запястье, – такой пижонский, что мне хочется закатить глаза.

– У меня жених ревнивый, – беззаботно вру я, – велел, чтобы к его приезду с работы я была дома.

– Это кем он у тебя по субботам работает? – насмешливо хмыкает Яр.

– Летчиком, – я с демонстративным равнодушием пожимаю плечами, – у него рейс перенесли, должен вот-вот приехать домой, чтобы выкроить еще одну ночку напоследок.

Что-что, а врать не моргнув и глазом я умею. Сохранилась привычка из моей короткой адвокатской практики.

Вот только умение врать не всегда согласуется с реальностью. Из дверей ресторана вываливается Руслан.

Боже, про меня вспомнили.

Как никогда не вовремя!

– Зая, ну куда ты ушла? – обиженно тянет Руслан. Рожа виноватая – со свидетельницей явно уже управился. Вон и рубашка из штанов торчит. Ну черт. Что, так быстро? Хотя… Да, я помню его «успехи». Тогда другой вопрос. Почему так долго? Второй вопрос – боже, я вот с этим встречалась два месяца? Решила, блин, послушать маму и «завести дома мужика». Лучше б развела тараканов.

Руслана ощутимо ведет, он чуть не падает на меня всей

своей пьяной тушей. Падает, прихватывает пониже талии, мнет мне подол платья. Отпихивать его под ехидным взглядом ультрамариновых глаз Яра – омерзительно.

Черт, куда там пропал таксист, обещали же подать машину через четыре минуты?

– Иди к черту, козел, Аллу иди лапай,– зло шиплю я, выпутываясь из его хватки, – ты хоть руки после неё помыл, прежде чем ко мне лезть?

– Злая ты, зая, – огрызается Руслан, но видимо, “романтические” порывы я все-таки обломала, и он, пошатываясь, бредет обратно в ресторан.

– Зая? – выдыхает Яр, с издевательским хмыканьем, сверкая белоснежной улыбкой. – Это и был твой летчик?

– Это был мой любовник, – медово улыбаюсь я, – не могу сказать, что мой летчик ревнует меня зря.

Быть стервой с любовником и женихом всяко лучше, чем неудачницей, которая расстается с любовником из-за его измены. С так-себе-любовником, но Ветрову я об этом не скажу…

Яр мне не верит, это видно по лицу. Ну, да, мой флеш-рояль весь из крапленых карт, но играть я все равно буду с гордо поднятой головой.

– Впрочем, вакантное место моего любовника, как видишь, недавно освободилось. Хочешь подать свое резюме? Не трать время, Яр, сразу скажу, ты не подходишь.

– Это еще почему… – Яр не успевает договорить, его пе-

ребивают.

– Ветров, твою мать, где ты шляешься?!

От этого рыка я чудом не наворачиваюсь со своих каблуков.

На нашей сцене новое лицо: высокий блондин в сером костюме спускается по лестнице и с каждым шагом вниз будто взглядом вбивает Яра на еще один дюйм в твердый кафель.

Фактурный мальчик. Был бы стриптизером в каталоге – заказала бы его на днюху. В том мире, в котором я могла себе позволить днюху в роскошном ресторане со стриптизером, а не встретить его дома в компании трех человек.

Ну и что, что трех, зато – самых важных! И ни одной фальшивой лицемерной рожи! А тортик был вкусный.

Корни у блондинчика темные. Мой взгляд недовизажистки отмечает это как-то сам по себе. Он что, красится, что ли? Хотя плевать, пусть красится, ему идет.

На роже Яра проступает пришибленность. Боже, да неужели? У властного господина Ветрова есть босс? Есть справедливость в этой жизни. Наверное, рули он какой-нибудь даже не очень большой фирмой лично, мне было бы более обидно…

Хотя я тоже хочу такого крутого босса, чтобы давал мне не менее крутую зарплату.

Чтобы хватило и на ролексы, и на платиновые запонки.

Хотя… Неудачницам такое не полагается, я же знаю.

– Эдуард Александрович, я…

– Нет, это я, – блондинчик умудряется оборвать Яра одним движением подбородка, – я там толкаю речь о том, как нам с тобой повезло, бесценный ты мой сотрудничек, о том, какая это была победа и сколько там твоих заслуг. А ты, самка собаки, не выходишь и не берешь эту чертову благодарность. Премию получил – рожей торговать не обязательно? Спасибо тебе, дорогой, но корпоративный дух в этот раз мы продолбали.

– Он не самка собаки, он – самец, – занудно замечаю я. Знаю, бородатый прикол, но не могу удержаться. Тем более, что в тему.

О, меня заметили. Темные глаза босса Ветрова останавливаются на мне.

«Что еще за фифа?» – я прям вижу субтитрами в его глазах.

– А вы проверяли нашего Ярослава на наличие самцовых признаков, да? – насмешливо уточняет Эдуард Александрович склоняя голову набок. – Как полагается?

Да-да, сейчас речь о той идиотской пошлой шуточке, которую знает всякий девятиклассник, разумеется. Я понимаю намек. И Ветров понимает, расцветает пакостной ухмылочкой. Думает, мне духу не хватит на откровенность?

Я наконец затягиваюсь, приканчивая сигарету, отправляю окурок в ближайшую урну.

– Случались такие ошибки в моей молодости, – хладнокровно отзываюсь я, а в глазах моего собеседника пляшут

заинтересованные искры.

– Эдуард Александрович, это… – Ветров пытается перехватить ситуацию в свои руки. Интересно, почему это у него глазки такие злые стали?

– Ты еще тут? – блондин смотрит на него. – У тебя пять секунд, чтобы исчезнуть и выступить перед коллективом, вдохновить на свершения, и все такое, пока там еще не все спились.

– Она… – Ветров смотрит на меня яростно, пытаясь взглядом заставить испариться. И вот нет бы представить!

– Я сам с ней разберусь, – насмешливо отрезает Эдуард Александрович, продолжая сверлить меня пристальным взором. Да ладно. Что, правда? Может, и телефон спросишь, красивый? Вот это была бы победа. Особенно если Яр потом об этом узнает…

Яр все-таки исчезает. Видимо, спорить с авторитетом босса ему не хочется. Напоследок он лишний раз испепеляет меня укоризненным взглядом, обвиняя непонятно в чем. Во флирте с его боссом? Даже не пыталась. Тут удивительно, что меня вообще отличили от стены. Мальчики такого класса на девочек вроде меня обращают внимание только в одном случае – если им надо принести счет или сделать заказ.

– Сигареты не найдется? – вдруг спрашивает меня Эдуард.

– Вы такую дрянь не курите, – я качаю головой, потому что в уме уже взвесила и его. Совокупный ценник – почти тот же, что и у Яра, с одной только разницей – у этого блондина

есть пара дополнительных ноликов с конца. Босс боссов.

– У меня жена сегодня родила сына, – фыркает Эдуард, – оцените уровень моего отчаянья: я девять месяцев в завязке. И еще лет десять буду курить только в курилках на работе. Так что давайте сюда вашу дрянь, я сейчас даже на самокрутку с махоркой соглашусь.

– О-о-о, понимаю, – я вытаскиваю пачку сигарет из сумочки, – сама завязывала почти на три года. Сейчас курю только не дома.

– Ребенок? – понимающе уточняет мой собеседник. Я же бросаю взгляд на лестницу, вороватый такой взгляд, лишь бы убедиться, что Яр там не спускается.

Нет, нету. Ну, можно и ответить.

– Дочь, – на губах расползается удовлетворенная улыбка, как и всегда, когда я говорю про Маруську.

– Стоит любых лишений, – блондинчик кивает и недовольно шарится по карманам. Ну, ясно. Завязавший!

Я достаю и зажигалку.

– Антикварная? Серебро? – Эдуард удивленно косится на вещицу в моих руках. – А сигареты такие дешевые? Это же почти то же самое, что в лабутенах ходить работать на кассу в Пятерке.

– У меня очень своеобразные фетиши, – я улыбаюсь и пожимаю плечами.

Можно подумать – это мои “лабутены”. Можно подумать, я не назло пользуюсь именно этой зажигалкой для таких пар-

шивых сигарет. Не-е-ет, всякий раз чиркаю и думаю, что если бы кое-кто знал, насколько варварски я обращаюсь с этой цацкой, сдох бы на месте. Коллекционер же. Не зря я тогда сперла эту зажигалку. Именно эту, самую дорогую. Надеялась, что хотя бы ради этой ерунды он мне позвонит. Хотя бы позвонит. Плевать, что будет угрожать судом. Плевать на все… Я верила, что произойдет чудо… Я верила, что мы с ним встретимся и все починится, срастется, и то, что он сделал, вдруг окажется не его подставой. А слова его отца вдруг перестанут быть жгучей и неприятной истиной.

Не позвонил… А «лабутены» от него остались у меня. И не только они…

– И кто же вы, отважная фетишистка? – ухмыляется Эдуард.

– Японский переводчик, – брякаю я, потому что вредность мама зачем-то родила вперед меня, и представляться именно сейчас я не хочу. А вот повыпендриваться… Почему бы и нет? Сколько лет я занимаюсь языком? Это же чего-то да стоит! Ну, не визажными навыками ж хвастаться…

– Да ладно? – брови у Эдуарда взлетают куда-то к его мажорской челочке – к этим вот боковым прядям, и тут же босс Ветрова брякает практически без запинки: – Ana ta ha moto no bushi no meiyo no kodo o satoru nda koto ga ari masu ka?

“Может, вы и бусидо в оригинале читали?”

Глаза у моего собеседника сверкают, будто он приготовился разоблачить обманщицу.

Можно подумать, я на собеседовании, и меня тестируют, не наврала ли я в резюме…

2. Самый злейший враг

– Кто это была такая?

Я всегда поражаюсь тому, насколько Кристина чутко реагирует на потенциальных соперниц. Мир полон женщин, которые ходят мимо меня, и мимо которых я хожу, но Крис реагирует именно на тех, кто мог с ней посоперничать.

Вот и сейчас – не успел я закончить свою речь, которую все равно слушали только мои прямые подчиненные – и то, потому что «кто не слушает начальство – тот сидит без премии», не успел приземлиться за наш столик, а Крис уже подается ко мне, смотрит вроде без злости, но так… С каким-то укоризненным интересом.

Видимо, это была её эйчарская интуиция.

Правда, в этом случае её «система защиты» зря орет тревогу. Викки – пройденный этап. Я уже не настолько плохо разбираюсь в женщинах, чтобы соглашаться на что попало.

И тем не менее Кристина смотрит на меня, барабанит ногтем по ножке бокала.

– Никто, – я чуть улыбаюсь, – уже никто, Крис, не переживай.

– Уже? – идеальные бровки Кристины чуть вздрагивают – она никогда не позволяет себе проявлять действительно много эмоций, и я всегда находил это её достоинством.

И это так не похоже на Викки – слава всем богам на свете.

Она была буйная. Эмоциональная. Яркая. На это я запал когда-то: она меня разжигала. И на этом же я прогорел, поэтому сейчас выбираю менее темпераментных женщин.

– Мы развелись восемь лет назад, – максимально сухо отвечаю я Кристине, потому что её вопрос так и повис в воздухе.

Восемь лет – большой срок. Восемь лет – достаточно, чтобы переболеть, убить в себе последние росточки того, что тянулось к ней – вечному июльскому солнцу.

И нас уже ничего не связывает, совершенно.

– Почему развелись? – Кристина насмешливо щурится. – Эта растрепушка не выдержала конкуренции?

В первые секунд двадцать я очень хочу попросить Кристину заткнуться. А желательно – и забрать свои слова назад. Но вообще-то, зачем мне это? В конце концов, это насмешливое замечание вполне себе соответствует истине. Особенной ухоженностью Викки не отличается.

Она вообще выглядела усталой и похудевшей, по сравнению с теми временами, какой её помню я.

Я помню её вообще блондинкой – она красилась в этот цвет все студенческие годы, сейчас – от этого цвета ни следа. Впрочем, какая разница, если её длинные волосы все равно хотелось растрепать сильнее. Сначала разложить эту занозу на простыне, потом – растрепать. Как следует!

А после – положить пальцы на красивую шею Викки и немного их сжать… А может – не немного!

Потому что – сколько еще пальцев касались её волос? Кожи? Этих язвительных губ? Сколько еще мужчин её ***трепали***?

– Ну, так что? – мурлычет Крис и пробегается по моему плечу наманикюренными острыми коготками. – Признавайся, Ветров, ты был плохим мальчиком и не смог обойтись одной женой, а?

– Нет, – я раздраженно морщусь, – это она не смогла.

Вот теперь Кристина действительно удивлена.

– Ты серьезно? – Крис окидывает меня удивленным взглядом. – Она что, настолько дура?

На эпитеты наш кадровый директор никогда не скупилась. А мне второй раз за пять минут хочется попросить её прикусить язычок. И только по одной причине я этого не делаю – потому что рациональный я с Кристиной согласен.

Потому что тогда все вопросы, что у меня были, это: «Чего тебе не хватало, Вик?». Не шикарно жили, да, но не бедствовали. Вместе работали. Она – работала со мной в отцовской же фирме.

Красивая, лучистая, вечно улыбающаяся. Открытая. Казалось бы – что плохого? Но…

Она же флиртовала, чуть ли не со всеми подряд. Любезничала. Стреляла глазками. А потом возмущалась, что я ревную. Мол, это всего лишь вежливость. С клиентами!

Да, да, я знаю эту вежливость, видел фотки… И даже подслушивал, насколько она была любезна с одним таким «кли-

ентом».

И все-таки.

Чего тебе не хватало, Вик?

Я не стал спрашивать, мне не хотелось настолько перед ней унижаться. Просто подал на развод, просто съехал из нашей квартиры.

Просто – угробил ей карьеру.

Это было лишнее, наверное. Но я не хотел сталкиваться с ней в судах, не хотел вообще жить с ней на одной планете, но, увы – другой планеты не завезли, а вот удалить её из среды юристов при моих связях и отцовских оказалось не сложно. Не дешево, конечно, но я не разорился.

Зато какое чувство удовлетворения тогда было… Ух! Жаль – ненадолго хватило.

– Ну ладно тебе, не грузись, – Крис прижимается к моему плечу, – она наверняка себе уже все локти сгрызла, что тебя упустила.

Ну, да, сейчас, как же!

Даже не пытайся, Ветров, ты не подходишь! Почему эта фраза меня так задела?

– Ты издеваешься, да, Крис? – я спокойно делаю глоток из своего бокала. – Похоже, что я гружусь по этому поводу?

Кристина разглядывает меня критически, будто действительно разыскивая разнывшегося, очень нуждающегося в пинке сопляка. Смеется.

– Нет, Ветров, не похоже, – наконец выписывает она мне

мой диагноз, – но кто тебя знает, может, ты тайком её фоточки в инстаграме по ночам лайкаешь с анонимного профиля.

– У Вики нет инстаграма, – я фыркаю и делаю страшные глаза – вроде как спалился, что слежу за бывшей.

Не следил. Не искал по соцсетям – совсем. Перестал общаться с теми однокурсниками, кто дружил с нами обоими, остались только те, кто выбрал меня. А на встречи выпуска Вике хватало гордости не ходить самой.

Видимо, не хотелось чувствовать себя неудачницей на фоне успешных однокурсников. Она же у нас была звезда курса, отличница, краснодипломница…

Кто мог мне предсказать, что скромная улыбчивая девчонка, что натаскивала меня по языку, окажется такой дрянью?

Отец – мог. Отец мне предсказывал. Говорил, что мы слишком быстро женимся, что я пожалею. И он в итоге оказался прав. Это до сих пор меня бесило.

Как я тогда с ним собачился, чтобы он оставил Вику в покое. Ведь он пытался от неё избавиться, чтобы она мне «не мешала учиться»… До сих пор неловко. Ведь старик был прав! Во всем, черт возьми, прав!

– Давай на брудершафт, Ветров, – Кристина придвигается ко мне ближе, – только, чур, тут мы целоваться не будем. Слишком много народу.

– А где, по-твоему, народу не слишком много? – с ленцой выдыхаю я, позволяя Крис продеть свою руку с бокалом в

сгиб моей руки. Придвигаюсь к ней и сам, вдыхая терпкий аромат дорогих духов.

– Ну-у, – Кристина невозмутимо улыбается, – у тебя дома, например.

Непрозрачный намек.

Соскучилась.

Процесс был сложный, мне было совершенно ни до чего, Крис уже вторую неделю не получала от меня никаких знаков внимания. И дулась страшно, но вот сегодня – кажется, отошла.

– Кто меня знает? – иронично откликаюсь я. – Вдруг я не только по ночам фотки бывшей в инстаграме лайкаю, но и гарем из двадцати наложниц развел.

– Я просто обязана потребовать место любимой жены, – хохочет Крис, а потом мы с ней все-таки склоняемся ближе, глядя друг другу в глаза.

Кристина – ухоженная, яркая, состоявшаяся женщина. Мы вместе – два года, и я точно знаю, что она мне – ровня. Из хорошей семьи. В постели она неплоха. И репутация у неё – безупречная. Даже когда я на две-три недели выпадаю из жизни на время подготовки к особо сложным процессам, Крис не дает мне ни малейшего повода для ревности.

С ней все хорошо.

Осталось только понять, почему на ней сейчас так сложно сосредоточиться.

Мои губы касаются прохладного стекла бокала.

– Ветров, – за моим плечом вырастает Эд, я аж вздрагиваю.

– Эдуард Александрович? – фразу «ну какого черта, Эд!» я придержу на языке. Тут у нас вроде как субординация, мы тут не старые друзья, а я – так и вовсе проштрафился, застоявшись и засмотревшись на Вику.

Было бы на что смотреть… Ведь не на что же. Она – не мой класс. Никогда им не была.

– Та девчонка, – Эд прихватывает мое плечо, – у тебя есть её контакты? Я её хочу!

Мне будто бьет в глаза прожектором – я даже перестаю видеть секунд на двадцать. Приложи меня сейчас разряд на двести двадцать – я бы даже не почувствовал. Все застила полыхнувшая во всю мощь ярость.

И с ним тоже? С ним она тоже флиртовала?! И ведь сработало же!

Я это видел и до того, как Эд меня послал. Но видимо, после моего ухода Вика развернулась вовсю. Её дела настолько плохи? Ведь Эд женат и абсолютно своего статуса не скрывает. Я бы даже сказал, что он это обычно только нарочно подчеркивает.

Обычно…

К самому Эду у меня тоже есть ряд вопросов.

Ведь сегодня мы корпоративим отнюдь не в честь выигранного процесса – это так, повод. Сегодня Рафарм обмывает наследника фармакологической империи. Родившегося в

первом часу ночи. Кто сказал, что нельзя устроить корпоратив за полдня? Наш кадровый отлично справился. Нет, они, конечно на низком старте стояли на последних неделях срока. Но все равно точное число тут обычно предсказать сложно. Все основное соображалось прямо сегодня. А все эти наградки, церемонии, речь – это все так. Все мы знаем, за кого пьем шампанское. За те самые три килограмма девятьсот граммов Козыря-младшего.

И вот пожалуйста, у него жена еще поди от схваток не оклемалась, а Эд хочет уже мою бывшую жену.

– Ну и чего ты завис? – Эд хлопает меня по плечу, приводя в чувство. – Номер её гони, адрес. Переводчики такого класса на дороге не валяются.

– Пере… водчики? – недоуменно повторяю я. Мне светлеет, самую малость, и с трудом, но все-таки получается дышать.

– Ветров, ты перетрудился? – Эд щурится, придирчиво меня разглядывая. – Так может, тебе отпуск взять? Уехать куда-нибудь, где массажисты приличные? Да, переводчики. С японского. Ты же знаешь, насколько большая у нас текучка в переводческом отделе.

Да, не без этого. В последние полтора года этот отдел был будто проклятым. Люди в нем просто не задерживались. Сменили руководителя – стало еще хуже, через месяц были сданы два контракта с неточностями в формулировках.

Эти неточности стоили нам дорого. И не со всеми мы еще

разобрались.

– Эдуард Александрович, я приносила вам резюме кандидатов, – подает голос Кристина, – есть очень хорошие варианты.

Зря она влезает, на самом деле… Я это понимаю. Меньше всего Эдуард Козырь любит обосновывать причины своих решений и что-то кому-то доказывать. Как он решил, так и должно быть. И разбираться с кадровым директором, зачем именно ему приспичило взять конкретную кандидатуру переводчика в обход всех собеседований и аудирования, Козырь не будет.

– Ветров, – тон Эда повышается на десятую долю децибела, но это уже означает, что он выходит из себя, – номер телефона той девушки. Вы с ней мило общались, я видел. Не заставляй меня тратить мои ресурсы на её розыски.

Ну, спасибо, приятель. Выручил, так выручил: Кристина при словах «мило общались» только больше хмурится. Но ведь ни черта не мило мы с Викки разговаривали. Так – она очень старалась меня доконать.

Хватало же наглости иметь ко мне претензии.

Но Эду на это все наплевать – он явно закусил удила и не намерен слезать с меня, ни с живого, ни с мертвого. И если ему нужна Викки, он её и вправду найдет. А ссориться с Козырем мне вообще не с руки.

– Я знаю только старый её номер, – хмуро произношу я, доставая из кармана телефон, – она могла его сменить.

– Ничего, если что, пробьем новый, – Эд бросает взгляд на телефон, распаковывая сообщение с контактами Викки, – отлично.

Ему шибануло. Что такого Титова успела ему наболтать, чтобы настолько запасть именно Козырю, который вообще-то много видел в жизни посредственностей?

– Гудок идет.

Я смотрю на Эда, который уже прижимает к уху смартфон. Взгляд у него уже отвлеченный – он глубоко в своих мыслях, ему не до нас.

– Виктория? – на лице Козыря расцветает обольстительная улыбка – да, Вика с той стороны трубки точно её не увидит, но эта улыбка всегда отражается на тональности голоса. – Виктория, вы готовы услышать самое непристойное предложение в своей жизни?

Естественно, это ирония, естественно, он имеет в виду зарплату, но не сто процентов меня в этом уверены. Есть те пять процентов, что сомневаются. Или – пятьдесят…

Дальше Эд переходит на японский – и это потому, что на самом деле собеседование у Викки продолжается!

Но судя по тому, что улыбка Эда не гаснет ни на секунду и на его лице все больше проступает удовлетворения, – Вика его прошла. Прошла!

Она будет работать в одной фирме со мной.

Эта мысль пронзает меня, встряхивает подобно еще одному удару тока. И сразу до тошноты резко накатывает отвра-

щение.

Она! Будет! Работать! Со мной!

Да черта с два я это допущу!

3. На подступах к новым высотам

Я…

Я что сейчас делаю?

Я иду вперед. Разорилась на новую блузку и жакет по старой нищебродской привычке «покупай приличный костюм перед тем, как выйти на новую работу». Слава богу, мне дали несколько дней «на решение своих проблем».

Да, я не буду выглядеть как-то «по статусу» этой фирме, но новая блузка – она и в Африке новая блузка. Не «плюс сто» к статусности, но хотя бы десяточку прибавить можно.

И все-таки, а-а-а!

Я иду вперед. К машине, которая должна отвезти меня на мою внезапную новую работу.

Это напоминало какой-то обкуренный сон.

Ну, а где ещё, по-вашему, позавчерашней сокращенке лично звонил крупного концерна и предлагал очень вкусное место работы. Вот так просто, без собеседования.

Господи, я прогуглила Рафарм, да туда же даже уборщицами устраивают только своих! А мне вроде предложили должность штатного переводчика. И… И водителя прислали «на первый раз». Что, серьезно, так бывает? И не только в киношечках?

Честно скажем, морда водителя, встречавшего меня у подъезда, была далека от вдохновенной. Наше окраинное

гетто, хоть и очень старательно бодрилось на фоне новеньких многоэтажек, но своего неожиданного гостя явно настраивало на очень… Приземленный лад.

Нет, ну не девяностые, конечно, колеса с его выпендрежного джипа не снимут, но магнитолу увести могут… Случались такие эксцессы в нашем районе.

– Виктория? – водителя зовут Марат, и он ужасно ответственно носит бейджик на правой стороне груди.

– Только по воскресеньям, – я чуть улыбаюсь, – в обычные дни недели – просто Вика.

Нет, я не флиртую, вам показалось. Просто я и полная форма моего имени как-то не очень любим друг друга.

В конце концов, все до дыр уже затерли, что Виктория – это победа. А я на победительницу редко похожу, а сегодня – тем более. Ни в анфас, ни в профиль. На задолбанную амазонку – может быть. Ну, после двухчасового разбирательства в школе «кто виноват и что делать» – кто бы выглядел иначе?

Маруська опять подралась. Второй раз за полугодие. И нам уже вынесли замечание, что третий раз – и «будем решать вопрос об отчислении».

А у меня руки уже опускались от этого всего. Потому что орать на всю школу и топать ногами было вроде неэтично. Но кого особо волнует, что Оля Маскарадова сама нарывается? Вот серьезно. Меня бы кто-то в классе дразнил ненуженкой – я бы тоже втащила. Независимо от возраста.

Но ведь «драка – это не способ решения проблемы». А

что способ? Что закроет Оле рот?

Причем это ведь не Маруська сказала Оле Маскарадовой, что у неё нет папы, это мама этой Оли рассказала. Ну, она мужу поохала – даже догадываюсь, в какой тональности задела меня, – а её «очень восприимчивая дочка», которой очень не хватало ремня, взяла и восприняла.

И придумала эту свою «ненуженку».

А мне – хоть в другую школу ребенка переводи, потому что в этой с начала года все нервы уже измотали. Это ведь только в книжках фантастических можно из себя не пойми что строить и при этом быть правой. Увы, в жизни все из себя что-то строят.

Мама Оли Маскарадовой, например, строит из себя мать «невинно обиженного зайчика». Ну и пусть теперь «зайчик» ходит в школу с фонарем под глазом. Авось, подумает, как к нам лезть впредь. Интересно, насколько её хватит?

Господи, двадцать первый век, мир принимает три сотни видов гендерной идентичности, а в школах происходит все тот же ад и дедовщина, как веке в восемнадцатом. Вся и разница, что вместо пони деточки меряются смартфонами. Дерутся и травят – точно так же. Причем такая приличная школа на вид была… Проверенные преподаватели, современная база для школы, отбор по показателям интеллектуальных тестов, но как мое проклятие отдельно – стоимость формы, учебников, тетрадей…

И ведь попробуй отвертеться, завуч непрозрачно намек-

нула, что вот если мы хотим что-то более дешевое, мы вполне можем подать документы в школу по месту прописки. А у них, мол, восемь человек на одно место.

И я уже подозревала, что моя старая школа, которая полагалась нам по месту прописки, – не самое худшее зло. Но мы еще держались. И у Маруськи тут так хорошо складывалось с учительницей по английскому… Боже, я такой кайф ловила от того, как Маруська треплется на английском. Напевает песенки…

Моя дочь, моя! Я тоже в детстве обожала языки.

И почему не пошла на иняз? Надо ж было, поддавшись идиотскому порыву, рвануть в юридический. Сколько проблем я бы решила одним махом. Не встретила бы Ветрова, например…

Он как мой камень преткновения. Да, я знаю, что нельзя все валить на другого человека, и если ты много лет не успешен, то, возможно, дело не в ком-нибудь, дело в тебе, но…

Но мне хотелось думать, что это – не мой случай.

Что не умудрись я влюбиться по своему восемнадцатилетнему идиотизму в Ярослава Ветрова, моя жизнь сейчас была бы несколько полегче.

Но… В этом случае в моей жизни не было бы Маруськи. И вот дочь – это то мое, от чего я точно не откажусь, ни ради чего.

Моя. Я так решила еще в роддоме, когда смотрела на тонюсенькие темные волосенки на её лобике. Ветров поучаст-

вовал в её зачатии, спасибо. То, что благодаря ему я не могу устроиться в Москве по специальности, – больно, конечно, но выжить можно.

Ну, на тот момент прошло почти восемь месяцев с момента нашего с Ветровым развода.

Когда я получала повестку в суд, настолько категорична не была.

И на суд не пошла – не знаю, на что надеялась. На чудо? Что позвонит сам? Передумает? Приедет, а я тут – беременная?

Водитель Рафарма оказывается молчаливым парнем, и я ему на самом деле благодарна. Потому что мне, по крайней мере, удается это все обдумать и мысленно подготовиться к тому, что все-таки с Ветровым я буду сталкиваться.

Нет, серьезно. Я не готова отказываться от такого предложения, которое мне сделали. Когда я слушала охмуряющий бархатистый голос Эдуарда Александровича, описывающий зарплату и корпоративные бонусы, – я уже готова была что-нибудь подписать. И щипала себя за запястье.

Нет, не может такого быть. Вот так? Без собеседования?

– Вы всегда так сотрудников на работу берете? – спросила я тогда. – Вот так, без резюме?

Позже я пришла к выводу, что вот так, о моих проблемных сторонах лучше было все-таки не рассказывать. Но меня это, слава богу, не утопило.

– Только тех, кто может обсуждать творчество Ёсано Аки-

ко[1] на её родном языке, – серьезным тоном сообщил мне Эдуард Александрович, и я чуть не покраснела.

Ну, случайно вышло. Брякнула же, что в оригинале предпочитаю читать не бусидо, а сборники японской поэзии. И как-то вдруг вышло, что мы с боссом Ветрова все на том же японском обсуждали серебряный век и его представителей, до тех самых пор, пока мне водитель такси не начал сигналить.

Истеричка!

Головной офис Рафарма – в бизнес-зоне Москвы, в которую я сама не ездила уже лет восемь. Как раз с той поры, как Олег Германович Ветров, мой тогда еще свекр, уволил меня из своей адвокатской конторы. По статье. По криво приклеенной статье, но у меня, тогда раздавленной повесткой о разводе, не хватило сил от этой статьи отбрыкаться.

И глядя на высоченную башню, у которой меня высадили, я только плотнее вцепляюсь пальцами в свою сумочку и выдыхаю.

Ну, с богом. Хорошо бы сегодня наконец оказаться именно Викторией!

В чем нельзя было отказать Рафарму, так это в умении пускать золотую пыль в глаза. Уровень чувствовался во всем, начиная от того, что за простым штатным переводчиком они прислали черный, сверкающий монструозный джип, и до…

---

[1] *Есано Акико – японская поэтесса, одна из поэтов Серебряного Века японской поэзии.

До всего остального.

За Маратом, который вел меня по коридору кадрового отдела, я шагала, украдкой озираясь по сторонам.

Кожа. Гибкий камень. Стекло. Светлое дерево. Много света и лоск-лоск-лоск… Во всем! Даже в шейных платках корпоративного синего цвета на шеях у сотрудниц. Никакой пестроты в форме одежды, сотрудники, что попадаются мне на пути, – в форме одной тональности серого. В черном – только охрана. А рубашки – настолько белые, что еще чуть-чуть – и будут резать глаза.

За нарушения дресс-кода здесь явно жучили гораздо сильнее, чем у нас в школе за отклонения от формы.

Синдром самозванца покашливал за моей спиной все сильнее.

Что я тут забыла? Сейчас точно кто-нибудь выйдет и спросит – что я тут делаю и каким образом просочилась сквозь охрану. Ну не могут меня взять сюда. Это даже не прыжок через пару ступенек на карьерной лестнице – это прыжок через всю лестницу. А если не через всю, то через добрую половину…

И все-таки… Мне становится чуточку спокойнее. Есть вероятность, что с Ветровым я вообще пересекаться не буду. Он у нас кто? Юрист. Наверняка тут какой-нибудь юридического отдела, если я правильно понимаю расстановку сил.

Ну и какое ему дело до какой-то там мелкой переводчицы?

Скепсис поскабливает, намекая, что, ну, было же ему дело, испортил же он мне перспективы на юридическом поприще, но…

Восемь лет прошло. Он еще не перебесился?

– Вам сюда, – Марат останавливается в широкой приемной. Здесь светло, и на ресепшене стоят сразу две симпатичные брюнетки. Только подходя ближе я понимаю, что они не близняшки и даже не двойняшки – просто очень похожего типажа подобрали. Причем явно нарочно.

На меня смотрят с плохо скрываемым удивлением – видимо, не я одна ощущаю, как резко выделяюсь в этом жутко пафосном и дорогом месте. Ну, девочки вообще в первую очередь встречают по одежке. От мужчин я это как-то чуть поменьше встречала. Хотя… Хотя и у них это неслабо выражается.

И все-таки одна из девочек, та, у которой на бейджике значится «Дорохова Юлия», приветливо мне улыбается. Приветливость та искусственная, но я не в обиде.

– Чем я могу вам помочь?

– Виктория Титова. Мне должно быть назначено, – приходится приложить усилия, чтобы сомнения мои не прорывались наружу. Пусть моя неуверенность останется где-то внутри меня. Обычно я с этим справлялась. Справлюсь и сейчас.

Несколько мягких нажатий клавиш на невидимой мне клавиатуре, и Юлия кивает.

– Да, все верно. Собеседование на должность переводчика. Подождите.

Видимо, все-таки я что-то поняла не так, в том, что на работу меня берут прям сразу. Мне казалось, что речь шла уже о том, чтобы я получила оффер и оформилась.

Но перезванивать и уточнять…

Увы, я уже успела оценить, с кем по случайности умудрилась потрепаться. И понять, что вообще в любой другой ситуации лично позубоскалить с Эдуардом Козырем – это, ну… Малореалистично.

Мне как-то совершенно случайно улыбнулась удача.

И мне как-то неловко отрывать настолько важного человека от его дел по своим дурацким вопросам.

– Проходите, Виктория, – голос Юлии застает меня врасплох, – Кристина Сергеевна вас ожидает.

Я поднимаюсь и сразу начинаю ощущать эту странную слабость в ногах, как перед экзаменом.

Взрослая тетенька, тридцать, мать их, лет!

И все-таки, говорят же, наглость берет города, с чего бы мне не рискнуть? В конце концов, единственное, что я потеряла, – клиентка сегодня на половину одиннадцатого. Не стоит и расстраиваться. В конце концов, вечно красить девчонок, имея красный диплом, – это, ну… Немного не по моим амбициям. Должно же хоть когда-то хоть что-то соответствовать моим вложенным усилиям.

На двери кабинета, на который мне указали, табличка,

именная.

Кристина Сергеевна Лемешева, начальник кадрового отдела.

Начальник? Прям сразу для скромной меня? Вот это, видимо, и есть то особое отношение, когда не надо ходить к мелким эйчарам, потому что на тебя обратил внимание аж владелец корпорации.

Я иду и стараюсь не запутаться в своих все еще боящихся ногах. Заставлять эйчара ждать – идея неважная. Заставлять ждать начальника кадрового отдела – идея с замашкой на суицид.

Ну, я уже говорила же: в конторы такого типа даже уборщицами устраиваются через друзей. А кто у меня тут друг? Ветров?

Ха-ха! Три раза!

Он бы, наверное, даже трех раз бы не посмеялся.

Мир тесен. В кабинете меня ожидает не кто-нибудь, а та самая Кристина, которая выходила к Ветрову. Я мужественно ей улыбаюсь, в уме отклеивая ярлык, приклеенный в ресторане. В конце концов, ну спит она с Ветровым – это её беда. Я ей даже сочувствую по этому поводу.

– Присаживайтесь, Виктория, – Кристина хладнокровно указывает мне на кресло у её стола.

Таких кресел два, в одном сидит высокий худой мужик в поблескивающих очочках. Без бейджика. Судя по взгляду и осанке – какой-то начальник.

– Это Николай Андреевич, директор переводческого отдела, – тем временем спокойно улыбается мне Кристина Сергеевна, – он будет вас аудировать.

Черт, я не успела еще устроиться, а уже ощущение, что меня вызвали на ковер… Но это просто аудирование. Это то, что мне вполне по силам.

– Ну что ж, приступим? – и почему улыбка Кристины мне кажется будто бы кровожадной?

4. Собеседование

Аудирование – штука, в общем-то, несложная. Другое дело, что на предыдущем месте работы – и единственном месте, где я вообще работала переводчиком, – собеседование отличалось от этого не на класс. На десять полных классов средней школы. Поэтому у меня сейчас тряслись пальцы, поджилки и вообще – все. Внутри!

Снаружи же – обаятельная улыбка, пальцы, переплетенные на коленях, и мелодичный, сладкий японский язык, обволакивающий мои мысли.

Поначалу вопросы стандартные: расскажите о себе, кем себя видите через пять лет в нашей компании, как справляетесь со стрессом и волнением…

Я знаю прекрасно, что особенно эта информация Николаю Андреевичу ни за чем не пригодится, кроме моей оценки как сотрудника и как переводчика.

Я действительно хочу эту работу?

Я – очень хочу. Очень-очень-очень, можно продолжать до вечера, и то не опишешь, как я хочу эту вакансию. Фортуна, решившая подбросить мне в кои-то веки что-то толковое, – леди непостоянная, вряд ли подобное предложение мне еще поступит в ближайшие пять лет.

Вот реально, это тот случай, когда ты согласен почти на все – на переработки, на сверхурочные, на посредственных

коллег, хотя нет, я не верю, что тут держат подобных. По ощущениям от «допроса», который мне устраивает сейчас Николай Андреевич, – сюда вообще берут только японцев, выучивших русский. Хотя владение языком у моего будущего непосредственного – превосходнейшее. Я даже немного завидую.

Про работу мне рассказывать не очень хочется – небольшой опыт, не та должность, о которой следует рассказывать в крупной компании. Но… Но это хотя бы какой-то опыт. До этого несчастного, закрытого сейчас на ремонт музея у меня был опыт только переводов текстов на биржах фриланса.

Когда я совершаю чистосердечное признание, что лингвистического образования у меня как бы нет – у Николая брови взлетают чуть не до уровня роста волос.

– Где же вы учили язык? – удивленно спрашивает он, и интонации у него чуть менее бесстрастные, чем были до этого.

– Самостоятельно, – я чуть пожимаю плечами. Николай же смотрит на меня недоверчиво. Ну да, самоучка… Обкуренная, долбанутая самоучка, которая нарочно выбрала себе один из сложнейших языков для изучения, просто потому что легкие задачи были совсем не про неё.

– У вас отличное произношение для человека, который обучался сам.

– Мне немного повезло в этом вопросе, – я позволяю себе легкую улыбку, – мне достался японец в наставники.

Точнее, новоиспеченный муж моей подруги, её же тренер, приехавший к ней из Японии, пять лет назад не выдержал того насилия над его барабанными перепонками, которое я тогда совершала своим адским акцентом.

Выправлял. Мучился. Педагог, как и тренер, из Акура Йошито вышел чрезвычайно жесткий, но безумно крутой.

– Вы мне сейчас не сказку рассказываете? – Николай смотрит на меня с любопытством. – При самостоятельном изучении добиться первой категории по Нихонго норёку сикэн[2]…

– Второй, – поправляю я, максимально осторожно перебивая будущего начальника, – экзамен на первую я собиралась сдавать в этом году, но категория мной еще все-таки не получена.

– Не уверены в знании иероглифики? – уточняет Николай. – Потому что понимание при аудировании у вас прекрасное.

– Уверена, – вздыхаю я, – читаю я тоже хорошо, но в прошлом декабре у меня не было лишних денег на экзаменационный взнос. Я ждала июля.

Увы, две тысячи рублей для некоторых – это деньги, да. А взнос на экзаменацию по первой категории обошелся бы мне

---

[2] Нихонго норёку сикэн – экзамен по определению уровня владения японским языком, проводимый среди лиц, для которых японский язык не является родным. Экзамен представляет собой стандартизированный тест и содержит пять уровней сложности. Пятый уровень – самый лёгкий, в то время как первый, наиболее трудный, подразумевает свободное владение языком.

примерно во столько. А под прошлый Новый Год заболела мама. Все свободные деньги пошли на её процедуры.

И потом…

Я же не знала, что у меня будет это собеседование столь внезапно. И да, за эту несчастную вторую категорию мне немного стыдно, будто за облупившийся лак на ногтях. Я же понимаю, что Рафарм на второй сорт размениваться не будет.

Одна надежда – на то, что мои практические навыки по каким-то волшебным причинам будут оценены высоко. Выше, чем у остальных соискателей.

– Наш разговор, кажется, зашел на личное поле, – замечаю я со слегка виноватой улыбкой.

– Меня здесь интересуют только ваши языковые данные, – ухмыляется Николай, – так что не волнуйтесь, госпоже кадровому директору я об этой нашей вольности не расскажу.

– Arigatou gozaimasu[3], – сдержанно благодарю я. На самом деле – перед эйчарами лучше этим не палиться. Ну, если верить форумам в интернете.

Николай кажется вполне искренним. И слово «кажется» тут не уместно, Николай и вправду выглядит настроенным весьма доброжелательно.

Приятный мужик. И под его начальством работать внезапно хочется. Да, первое впечатление может быть обманчивым, а моя интуиция – это не то, на что можно положиться. Ну,

---

[3] Arigatou gozaimasu – спасибо, формальная форма (яп.)

Ветрова же она в свое время сочла очень приятным юношей.

– Расскажете мне о коллективе, с которым я буду работать? – я все-таки стараюсь вернуть разговор в деловую стезю.

– Коллектив в меру слаженный, – Николай кивает, и никакого возмущения в его лице я не вижу. Это хорошо. Это обнадеживает. Если он не испытывает никакого негатива на мысль, что я буду работать с его коллективом – значит, я зря заморачиваюсь насчет всего остального. – Но имеются свободные единицы, поэтому иногда нам приходится перерабатывать из-за срочных переводов. Нам обещают, что закроют свободные вакансии и количество авралов снизятся, но это вряд ли произойдет в ближайшее время. Так что будьте готовы, Виктория, к тому, что работы мало не будет.

– Я уже готова, – я чуть улыбаюсь, – особенно если сверхурочные хорошо оплачиваются.

– О, не волнуйтесь, весьма неплохо, – Николай менее формально, чем до этого, округляет глаза, намекая, что размер сверхурочных действительно достойный и компенсирует весь моральный ущерб за переработки.

– Волшебная перспектива.

– Волшебная, да, – Николай энергично кивает и разворачивается к Кристине.

Мое аудирование явно окончено.

– Ну и что ты скажешь, Николай Андреевич, – за время нашего разговора на японском Кристина не понимала ров-

ным счетом ничего. Может быть, поэтому у неё такой до странности недовольный вид.

– Язык хороший, – Николай хлопает ладонью по колену, – весьма достойный.

Он, кажется, хотел сказать что-то еще, но Кристина коротко кивает, останавливая его. Это непонятное недовольство с её лица никуда не исчезает.

– Что ж, хорошо, тогда я тебя не задерживаю, – Николай на этой фразе поднимается и шагает к двери.

– До встречи, Виктория, – замечает он мне напоследок снова на японском. Ну, я же имею право ответить, да? Так-то это невежливо – под носом у человека разговаривать на непонятном для него языке. Но все-таки, это не я начала, а мой будущий начальник.

– Пожелаете мне удачи? – нахально улыбаюсь я, чтобы понять – действительно ли у меня есть надежда.

– Да, пожалуй, – Николай кивает и выходит, закрывая за собой дверь. Есть! Все-таки есть!

– Что ж, Виктория, – холодно, будто напоминая мне о своем существовании, произносит Кристина, когда я разворачиваюсь к ней, – давайте поговорим о вас, и я вынесу вам окончательный вердикт, подходите ли вы для работы в Рафарме.

Моя надежда, только-только расправившая маленькие крылышки за спинкой, вновь складывает их, и ищет взглядом утес, в который можно спрятать и голову, и лапы, и хвост

заодно.

Мне по-прежнему не нравится выражение лица Кристины. Это паранойя?

Мне казалось, что меня начнут допрашивать.

Что прямо сейчас вырубится свет, в глаза шибанет лампа яркого света и Кристина замогильным голосом начнет выпытывать у меня, с чего же это я взяла, что подхожу для работы в их компании.

Ни с чего не взяла.

Мне не казалось, что я сюда подхожу.

Что я могла ответить на этот вопрос? Что их владелец с чего-то решил, что взять меня в штат будет забавно? Ему показалось, что это – хорошая идея. В ходе бурной корпоративной попойки…

И она – первоклассный управленец, а иные тут работать просто не могли, сейчас тратит на меня, взбалмошную придурь своего шефа, свое очень ценное время…

Хорошо было там, у ресторана, когда Кристина Лемешева была для меня никем, и я могла относиться к ней с равнодушным цинизмом.

Святая ж женщина, спит с Ветровым.

Но сейчас-то я прям ощущала, сколько стоит каждая её минута, и не была уверена, что потяну счет за это собеседование.

Слава богу, обошлось без всего того, что подпихнуло мне мое живое воображение.

Не слава богу, что Кристина замолкает, уткнувшись в мои документы. Совсем замолкает, да.

Минуты текут, почти ползут, мне хочется кашлянуть, привлечь к себе её внимание, но…

Но вот к этому меня жизнь не готовила.

И что это? Проверка на стрессоустойчивость? И какой метод реакции самый правильный? Обратить на себя внимание?

Я чуть покашливаю – ноль внимания. Раздраженная гримасска пробегает по лицу Кристины. Типа, «что, подождать так сложно?».

Ну, ясно…

Что я там говорила Николаю, как справляюсь со стрессом?

Склоняю по таблице спряжений японские глаголы, ага.

Универсальное средство для тренировки памяти и потрясающий метод не подохнуть от тоски в очереди в поликлинике.

Ну, окей, я подожду. Какой глагол я возьму для начала?

Shinu – умереть – драматично, но вполне подходит ситуации. Ожидая, пока на меня обратят внимание можно именно это. Или пожелать испытывающему мое терпение эйчару это самое. Короче, подходит. Поехали!

Shinimasu. Shinubeki. Shinubekirazu…

Когда Кристина наконец обращает на меня свое императорское внимание я успеваю прогнать по двенадцати стро-

кам таблицы японских спряжений не только глагол «умереть», но и «придушить», «отравить», «выбросить», «закопать» и «четвертовать».

Добралась до четвертой строчки со словосочетанием «выдернуть волосы».

Кто мне скажет, что это слишком, – тот не слышал про комнаты отдыха в крупных японских компаниях. Ну, те самые, где боксерские груши с фотопринтами «любимого» начальничка.

Как хочу, так и релаксирую. Я – только в уме, в конце концов!

– У вас ребенок, я вижу, – Кристина кривится, будто у нее сводит лицо, будто это отягчающее мою вину обстоятельство. О да, сколько раз я видела на лицах потенциальных работодателей это выражение.

У вас ребенок. Вы не будете вылезать с больничных. А нам нужен человек, который будет работать.

– С ребенком мне помогает мама, – максимально спокойно сообщаю я, – на мою работоспособность это никак не повлияет.

– Все вы так говорите, – Кристина произносит это краем рта. Недовольно. И с очевидным намеком на то, что слово сдерживают далеко не все.

Мне всегда было интересно, что в голове у таких вот девочек. Ну, она же наверняка планирует рождение ребенка, декрет, больничные эти. Или что, няня с малых лет? Ну, на-

верное. Она может себе позволить.

– Как вы вообще собираетесь до нас добираться, из ваших-то… окраин, – Кристина все так же неприятно морщится, – вы знаете, насколько жесткая у нас политика к опаздывающим?

Я не успеваю ответить.

– И, Виктория, вы вообще как думаете, вашего образования достаточно для работы в нашей компании?

Прямо! Практически в лоб! И в ушах у меня звенит от этой меткости.

Она будто вытащила из головы мою же мысль. Какое образование… По той специальности, на которую я претендую – никакого. И я ведь знаю обычный комплект требований на должность переводчика.

Высшее лингвистическое. От трех до пяти лет работы на аналогичной вакансии. Опыт перевода медицинской или деловой документации.

И чем круче компания – тем длиннее список этих требований.

Эта компания имела право послать меня к чертовой бабушке и попросить оттуда не возвращаться.

– У меня хороший практический языковой навык, – твердо возражаю я, – большой опыт работы с японскими текстами самого разного типа.

– И вторая категория владения языком, – небрежно замечает Кристина, разом обнуляя все, что я считаю своими

достоинством, – вторая. Вы понимаете, что мы не всякого лингвиста с первой берем?

Тональность голоса у Кристины – абсолютно презрительная. С ядовитой квакшей она и то разговаривала бы с большим удовольствием.

Я уже не говорю, что пока я склоняла в уме японские глаголы – мне открывался дивный вид на лицо госпожи кадрового директора, и оно вообще ни разу не было нейтральным.

С каким брезгливым видом она рассматривала мое резюме – это вообще никак не описать, было ощущение, что её заставили смотреть на что-то зашкаливающе жалкое.

И все-таки это почему-то кажется именно что личным. Или я это сама себе придумала?

Давай, Вика, соображай, как выкрутиться из этой ситуации. В конце концов, тебе и вправду нужна эта работа. Нужна. Очень. Твоей дочери нужна. Маме, которая снова жаловалась на боли в правой ноге. Ради них и ради себя ты же можешь сейчас стиснуть зубы и как-нибудь отбрехаться?

Я снова не успеваю – эта дамочка, кажется, вообще не намерена дать мне ответить ни на один её вопрос.

– Ну же, Виктория, давайте будем откровенны хоть пять минут, – Кристина откидывается в кресле, глядя на меня уничижительно, – наша компания для вас отличное место подцепить сносного мужика. Сотрудники у нас весьма и весьма перспективны в этом плане. Вам ведь и среднее звено сойдет, так?

Меня будто холодным душем окатывает с головы до ног. А вот это уже перебор!

5. Стеклянный потолок

– А что, девочки сюда только для поиска мужика устраиваются? – сладко уточняю я, выпрямляя спину еще сильнее. – Или это вы по себе судите, Кристина Сергеевна? А список сносных мужиков вы при трудоустройстве предоставляете? Всех самых вкусных уже разобрали? До вас, я так понимаю?

Язва обостряется мгновенно. Для этого много времени не надо.

Лицо Кристины дергается, и это самый верный признак того, что она мне тут не эйчар, а соперничающая за руку, сердце и прочие органы одного конкретного мудака, ревнивая гадина.

Я практически слышу, как со свистом смываются в унитаз мои перспективы в этой компании. Ну, их, получается, и не было вовсе, раз тут столько личного примешалось.

Боже, нашла за что воевать, этого дерьма по улице ходит… Выходи да ткни пальцем. С одной только разницей – обычный среднестатистический инфантил тебе максимум «Стерва» напишет на стене в подъезде. И то вряд ли. Ну, пришлет счет за все совместные свидания с требованием «вернуть деньги». Над этим можно хотя бы поржать.

Ветров же мудит не мелочась. И по принципу «потому что захотелось». И это совершенно не смешно…

Ведь сам на развод подал. Сам! Не объяснив мне причин, не удостоив даже разговором. А потом…

А потом – испорченная карьера от него самого, «ты не ровня моему сыну, так, девочка для сброса напряжения» – от его папочки, и все прочие постразводные бонусы, о которых меня при замужестве никто не предупреждал.

Описать бы это Кристине, вот только не хочу портить ей сюрприз. Пусть Ветров как-нибудь бросит и её. И вот так же вычеркнет её из своей жизни, по одному только своему капризу.

– Ну что ж, так и запишем, что стрессоустойчивость у вас отвратительная, – ядовито хмыкает Кристина, делая красную пометку прямо поверх распечатки моего резюме, – потому что стресс-интервью вы адекватно выдержать не смогли.

Как мило. Это, типа, проверка такая была? А границы у этой проверки имелись? Что-то мне сомнительно.

Я ощущаю: она врет, и выражение неясного удовлетворения на лице Кристины Лемешевой мне совсем не мерещится. Она хотела меня слить. И она меня слила. И Козырю она расскажет вот эту всю чушь: про отсутствующую стрессоустойчивость и игнорирование правил субординации.

Ну и катись оно все…

– Не представляю, насколько же много Эдуард Александрович развел гадин в своей фирме, что для того, чтобы работать тут, нужно обладать ядоустойчивостью мамонта, –

я поднимаюсь из кресла и, сейчас уже абсолютно положив на этику очень большой овощ максимально анатомической формы, собираю мои документы в ту папку, в которой я их принесла.

Все уже понятно. Еще не работай в кадровом любовницы Ветрова – я бы могла полелеять свои надежды, а так… А так – глупо, да.

И, получается – нет. Восемь лет прошло, а милейшему Ярославу Олеговичу не надоело мудить.

Потому что вот это – пахнет так же паршиво, как и все, к чему прикасается Ветров. Не может быть, чтобы Кристина была не в курсе.

Господи, Ярик, оставил бы ты уже меня в покое… Ничего от тебя не нужно, только это.

– И карьероориентированность у вас тоже никакая, Виктория, – тем временем продолжает доканывать меня эта стервозина, – очень легко сдаетесь. Вы просто будете бросать поставленные задачи в условиях дедлайна и жесткого стресса.

По всей видимости, она решила напоследок мне поездить по ушам. Оставить от моей самооценки еще более мокрое место, чем там у меня было.

Впрочем, это она обломается. Заморачиваться словами любовницы Ветрова я не буду.

Нет, правда, отличная подружка у Яра. Ему под стать. Надеюсь, он с ней тоже расплюется и они устроят одну малень-

кую войну друг с дружкой. Желательно – с взаимной аннигиляцией. Я готова заплатить за билет в первом ряду, чтобы полюбоваться на ядерный гриб, что вырастет на том святом месте. И буду раз в год туда ходить в паломничества.

Резюме я пытаюсь забрать, но Кристина с ядовитой ухмылочкой его от меня отодвигает. Ну, точно, потом принесет Козырю и вытрет об меня ноги напоследок. Ну и…

Ну и ничего я с этим сделать не смогу.

Идея работать с Ветровым в одной фирме изначально была сомнительной. Особенно с учетом тех моих тайн, которыми я с бывшим мужем делиться не собиралась.

Нет, у меня был запас дезинформации, если что, у Маруськи даже отчество было в честь её прадеда нарисовано. В честь единственного папаши за пять поколений, который действительно выполнял родительские обязанности. Но, в конце концов, Ветров же мог озадачиться, да?

Хотя, с чего бы. Не интересовался же он моей жизнью до этого.

Либо ему было фиолетово, что у трех лет семейной жизни могли возникнуть последствия, либо… Либо ему было плевать на рожденную мной дочь. Ну а что? Я ему не ровня, так ведь его папочка заявил? Ну и дочь от меня Ярославу Олеговичу вообще не нужна. Нестатусный ребенок. Их-то дети, «голубой крови», поди, еще в утробе на трех языках разговаривают…

Честно говоря, незнание Ветрова меня устраивало боль-

ше, чем вот эта версия, в которой он решил, что его дочь ему не интересна, раз уж она от меня.

Нет, не за себя мне было обидно. За Маруську. Я бы хотела чтобы никто в мире ей не пренебрегал. Никогда!

Даже Ветров…

В любом случае, я не хотела менять абсолютно ничего.

Была я, была Маруська, была мама на подхвате – и боже, дай бог ей здоровья, не знаю, что бы я без неё делала.

Ветров в этой системе координат был лишний.

– До свидания, Виктория, – насмешливо бросает мне в спину Кристина.

– И вам приятного аппетита, – ядовито откликаюсь я и еле удерживаюсь от того, чтобы не хлопнуть ей дверью напоследок.

Пусть всем плевать, но хотя бы перед собой я лица не потеряю.

Девушки на ресепшене оборачиваются ко мне, и Юля даже открывает рот, видимо, чтобы что-то предложить, но я ловлю её взгляд и отрицательно качаю головой.

Ничего мне не надо. До лифта я дойду сама.

Иду и хочу крови. Много крови. Очень-очень много крови.

Так и хочется сделать запрос моей фортуне: «Дорогая, тебе не надоело в меня сморкаться?». А я-то сдуру решила, что в моей жизни среди серых и черных полос внезапно забрезжило что-то беленькое. А это, оказывается, чтобы напомнить

мне, что потолок – вот он, тут, над моей головой – и никакой не стеклянный, а самый что ни на есть мраморный.

Обойдешься, Вика, выше головы не прыгнешь…

У лифтов прорывается невроз, я нервно жму на кнопку несколько раз и хоть и вижу – лифт спускается, но… Но хочется нажать еще один, для верности.

Наконец, двери лифта бесшумно открываются и я шагаю…

Никуда я не шагаю. Так и замираю в полушаге, потому что из кабины с невозмутимым видом выходит Эдуард Козырь собственной персоной.

И со всеми претензиями к его долбанутой кадровичке – внаглую отпихнуть главу корпорации с дороги у меня не хватает ни наглости, ни злости. Вот этого маневра я точно могу не пережить!

– Ну, надо же, я думал, мне вас в розыск объявлять придется, – От Эдуарда Александровича за три метра несет недовольством, и опасностью, а я – в зоне поражения, меня от моего несостоявшегося босса отделяют шага два, – девушка-победа, где вас носит?

Я хлопаю глазами. Натурально так, как самая, что ни на есть блондинка. Девушка-победа? Миленько, конечно, но… В каком это смысле «где меня носит»? Собеседуюсь я!

– Идемте, – Эдуард прихватывает меня за запястье и тянет меня к лифту, – я покажу вам ваш отдел. И представлю коллегам. Только давайте в этот раз без задержек, мое сво-

бодное время уже на исходе.

Он… Он думает, что я прошла собеседование? Черт, вот ужасно обидно, что его придется разочаровать. На меня на данном этапе жизни ставят столь немногие, а настолько высоко летящие птицы меня обычно даже не замечали.

Но все-таки нельзя отнимать его время…

– Эдуард Александрович, – это я почти пищу, до того оглушена его напором, – не нужно меня никому представлять.

– Виктория, не говорите мне ерунды, – отмахивается Козырь, – вы еще не слышали правило, что «начальник всегда прав»? Так вот можете быть уверены, выше меня начальника у вас не будет. И ваша истина в последней инстанции – это я. И если я хочу представить вас моим сотрудникам, это из разряда «нужно». Необходимо. Потому, что я так решил. Вы еще хотите со мной поспорить? Сохраниться не забыли?

Ему явно нравится практиковать навык японского разговора. Потому что, кажется, после того как я ему в первый раз ответила, на русском он со мной и тремя фразами не обменялся. А на японском – болтает с таким удовольствием, будто большего кайфа не знает. Сомневаюсь, что говори он на русском, его ответ был бы настолько развернутым… Зачем время тратить, если можно просто сказать «мне виднее», и все?

Мне аж пальчики на ногах поджать хочется от того, насколько зашкаливает его мнение о себе. Кажется, при разда-

че личных качеств самоуверенности Эдуарду Козырю насыпали за четверых.

И вот же ему заняться нечем, еще тратить время на меня!

– Я не прошла собеседование, – скрестив руки на груди, буквально спрятавшись за ними, сообщаю я, – поэтому…

– Какое собеседование? – Эдуард недоуменно хмурится. – Вы? Не прошли?

– Моя стрессоустойчивость вашего эйчара не устроила, – под пристальным взглядом этих темных глаз мне лично хочется скукожиться, – и карьероориентированность тоже. Я не выдержала стресс-интервью.

Подробности я зажимаю. Озвучивать эту грязь вслух? Нет, увольте, я не хочу в этом пачкаться.

Лицо у Козыря становится более жестким.

– Кто? – сухо спрашивает Эдуард Александрович, будто переходя в режим экономии слов. – Кто вас собеседовал?

Становится очевидно, что рубахой-парнем он прикидывался для меня, и то по каким-то своим, личным причинам. А сейчас… Сейчас большой и важный человек, которому не дали расслабиться, очень-очень недоволен..

– К-кристина Сергеевна, – я аж начинаю заикаться. Нет, серьезно, мне хочется отойти куда-нибудь подальше, потому что энергетика у этого парня невозможная. Я будто кожей ощущаю, как вскипает от его ярости воздух.

Козырь шагает в обратную сторону, в кадровый отдел. Быстро, будто голодный гепард, почуявший кровь.

Сотрудники шарахаются с его дороги – вот это все ощущаю не только я.

– За мной, Виктория, – голос раздражен до крайности, и в трех этих словах уже заложено все, включая обещание, что за побег, отступление, да хотя бы шаг в сторону полагается расстрел, четвертование и похороны в безымянной могиле.

Козырь шагает вперед, через приемную с двумя девочками, и я прям вижу, как белеют они обе. А потом он резко толкает дверь кабинета Кристины Лемешевой.

Она – разговаривала по телефону, стоя у окна.

Впрочем, это продолжается недолго. Смартфон буквально выскальзывает из её пальчиков, как только Кристина видит Эдуарда Александровича.

А я – тихонько закрываю за своей спиной дверь.

Мне вообще хочется сейчас оказаться где-нибудь подальше отсюда, потому что почему-то кажется, что сейчас здесь произойдет убийство.

– Стресс-интервью? – Козырь практически падает на стол своей подчиненной ладонями. – По-вашему, Кристина, мы можем себе позволить выставлять стрессоустойчивость для переводчика выше знания языка?

Он, вроде бы, не повышал тона, а все равно ощущение, что рычит. И от этого мороз по коже. В то, что происходит, я верю очень смутно.

Он и вправду натягивает своего кадрового директора? Из-за меня? Боже, да неужели эта работа нуждается во мне не

меньше, чем я в ней?

– Эдуард Александрович, я… – заикаться начинает и Кристина. Она же вцепляется пальцами в подоконник, явно пытаясь найти в нем опору. Нет, все-таки я не одна такая, кто в таком режиме Эдуарда Козыря хочет оказаться где-нибудь подальше от него. Но сейчас Эдуарду Александровичу не очень нужны оправдания Кристины.

– Я не приказывал вам собеседовать Викторию, Кристина, – свистяще выдыхает он, чуть подается вперед, – это сделал я сам! Я сам сделал за вас вашу работу, потому что вы не справляетесь, Кристина. Вы набираете мне откровенно слабых переводчиков. И, кажется, я понял почему. Потому что вам важнее стрессоустойчивость! У переводчиков! Что это, Кристина? Некомпетентность? Неисполнительность?

Желание оказаться где-то подальше от этой сцены, очень похожей на публичную порку, где я выступаю за всех зрителей разом, только усугубляется.

Не сказать, что мне хотелось видеть Кристину такой – бледной, напуганной, с красными пятнами на щеках.

– Э… Эдуард Александрович… – снова заикается она и снова оказывается перебита одним только резким движением подбородка.

– Виктория, ваши документы, – Козырь протягивает руку назад, и я ватными руками вкладываю в его пальцы папочку с моим скромным пакетом документов. Господи, как трясет-то… И это ведь он не на меня рычит… Я бы ему сей-

час, наверное, и квартиру последнюю отписала, лишь бы откупиться и чтобы он отвел от меня свой жгуче-кислотный взгляд.

– Оформляйте, – Козырь буквально швыряет эту папку на стол, – договор принесете Виктории уже на рабочее место. Лично. С извинениями. Ясно?

– Д-да! – Кристина торопливо кивает, а Эдуард Александрович выпрямляется.

– И скажите спасибо, Кристина, что я дал себе слово после рождения сына три дня никого не увольнять, – роняет он, разворачиваясь ко мне, – вы должны знать, как я отношусь к неисполнению моих поручений. Идемте, Виктория, – суше и чуточку теплее кивает мне Козырь, будто я пыталась сбежать.

Я буквально шмыгаю за ним. Мышкой. Я не смотрю на Кристину, мне не хочется наслаждаться зрелищем поверженного врага – я просто не из таких.

Я и так сомневаюсь, что Кристина Лемешева забудет мне эту сцену… Это минус! Не хотелось бы иметь в своих врагах такую противницу. Немного не моя весовая категория. Но что уж тут сделаешь?

Плюсы… Плюсы есть! Внезапно.

Кажется, у меня все-таки есть эта работа!

6. В трех шагах от правды

Когда я захожу, Кристина сидит в рабочем кресле и в прострации смотрит в никуда. Бледная, оглушенная… Телефон так и валяется за её спиной – про него она еще не вспомнила.

Все-таки правильно я сделал, что не стал дожидаться, пока она оклемается и снова возьмет трубку – после катка «Разъяренный Козырь» некоторые особо чувствительные просто сразу увольняются и уходят в запой. Ну, или в острую фазу депрессии. Хотя это вообще-то почти одно и то же.

– Я же тебе говорил, что не надо так нарываться, – ворчу я, поднимая телефон и опуская его на стол перед Кристиной, – сказал Эд тебе её оформить – оформляй. Ведь не факт, что он бы тебя стал слушать, даже если бы все сложилось, как ты планировала.

Нет, конечно, попытка была отважная и дерзкая, как обрисовывала мне свой план Крис – у неё все складывалось. В теории…

В теории и Николай должен был не вдохновиться языковыми навыками Викки. А он… Он нашел язык моей бывшей «достойным». Ольшанский и такой приговор в моем уме не сочетались абсолютно. Уж я-то знал въедливый характер Ника, который был ужасно переборчив в плане тех, кто должен был ходить в его подчинении.

Ни одного из кандидатов, которых предлагала ему Кри-

стина, Ник, пять лет проработавший в Японии и знавший японский даже лучше русского, так не оценивал. В лучшем случае было «терпимо», обычно же было «не впечатлили». А после того, как Ника уволили, а после еле уболтали его вернуться обратно и спасти результативность работы переводческого отдела, Ольшанский и вовсе задрал планку.

Так что вполне закономерно, что мы рассчитывали, что откажет Вике именно он, но в этом плане Кристине пришлось соображать на ходу, чем вывести Викки из себя.

Правдой. Лучше всего человек выводится из себя правдой. И это сработало, разумеется!

Кристина дышит неровно и разъяренно.

– У нее вообще ничего нет, – шипит она, – ни профильного образования, ни нормального опыта работы. Она работала переводчицей в каком-то задрипанном музее, который еле-еле сводит концы с концами. Её сократили вот только что – они решили, что слишком роскошно для них держать лишнюю единицу японского переводчика, лучше, мол, оставить пару английских. И тут, разумеется, твоя Вика наткнулась на Козыря, который на неё залип. Везучая дрянь…

– Уймись, – не удерживаюсь я, тем временем обрабатывая информацию. Занятно. Неужели Завьялов не мог помочь любовнице хоть с каким-то приличным трудоустройством? Он же был у нас хозяин заводов, газет, пароходов.

По-крайней мере, когда явился в отцовскую адвокатскую контору – вел себя тот мудак именно так. Нагло, нахально,

будто весь мир должен был целовать ему ноги.

Но все это время я предполагал, что да, лицензии Вику лишили, но «папик» у неё, по крайней мере, обеспеченный. Да, наша звездочка не работает адвокатом, как мечтала, работает где-нибудь там секретаршей, таскает Андрею Викторовичу кофе и обеспечивает его интимный досуг – да, это не по ее амбициям, но все-таки. Она сама это выбрала! Она сама выбрала его, предав меня.

Но какой-то там музей… С чего все оказалось настолько плохо?

Завьялов бросил её? Разорился? Надо будет навести о нем справки. Позлорадствовать над ублюдком, разрушившим мой брак. Нет, формально он меня спас, открыл глаза, что верность – это не про мою жену, но…

Но боже, с каким удовольствием я бы раздавил и его. Только отцовская просьба и остановила меня от этого. У него с этим утырком были свои дела. Поэтому… Поэтому мне оказалось проще уйти самому из отцовской адвокатской конторы.

Впрочем, от этого я только выиграл. Место в Рафарме было местом под солнцем. В первом ряду.

– Он хотел меня уволить, – Кристина отпивает из стакана, что я ей подал, глоток воды, – из-за какой-то выскочки. Меня! Я на него пять лет пашу!

Первый раз вижу Кристину в таком раздрае. Впрочем, она и неудовольствие Эда огребает впервые, до этого он к её ра-

боте претензий не имел.

Да, это было очень неожиданно. Эд обычно ценил верность. Но… И исполнительность он тоже ценил…

– Тебе лучше сейчас успокоиться, – замечаю я, – и не нарываться. Сейчас ты в зоне риска, еще раз подставляться тебе нельзя. Я сам разберусь с Викой.

– Этого я и боюсь, Ветров, – взгляд Кристины обжигающе резкий, – что ты сам начнешь с ней разбираться и увлечешься разбирательством. А потом и ею. Милые бранятся, только тешатся, а?

Ревность Кристины раздражает немыслимо. Умеет же раздуть слона из мухи.

Увлекусь? Я? Викой?! Той самой, что по-прежнему флиртует со всеми и каждым, той самой, на которую самым позорным образом залип женатый Козырь.

Странно. Я никогда не думал, что Эд выставит дело ниже бабы, хотя… Хотя я помню, что у него было с Клингер. Там он вполне забил на дела и спустил часть собственного состояния просто на то, чтобы пустить пыль в глаза будущей жене.

Ну, вот и сейчас – он разделал Кристину при Вике, будто пытаясь впечатлить последнюю.

Нет, это ни в какие ворота не лезет. Пусть Викки тратит свое очарование на всякого мимо проходящего мужика, я до неё больше не опущусь.

– Уймись, – я говорю это чуть суше и чуть раздосадованней, – тебя уже совершенно заносит, Крис!

– Ну, а что? Скажешь, нереальный вариант? – раздраженно огрызается Кристина. – Помучаешь её еще чуть-чуть, потом она упадет тебе в ноги, ты её простишь, удочеришь её дитятко и снова женишься. Хэппи-энд. Все счастливы. Ну, кроме меня, но кто я для тебя, а?

Хорошая попытка, Крис, но я же говорил, что никуда спешить в этот раз не собираюсь. И обостряйся, не обостряйся этим своим «все люди, как люди, а я – не замужем» – бесполезно.

Так, стоп!

Дитятко?!

– У неё ребенок есть? – я спрашиваю это настолько буднично, что даже Крис чуть расслабляется, не ощущая в моем голосе подлинного любопытства.

Юля – одна из секретарш Крис, притаскивает нам чай. Один зеленый, второй черный – все как по нотам. И есть чем занять руки. Так кстати. Мне нужно это сейчас – хотя больше хочется не сжимать тонкую фарфоровую ручку чашечки, а швырнуть этой несчастной посудиной в стену.

А лучше – в голову Викки.

– У неё дочка, – фыркает Кристина раздраженно, – совсем малявка. Мария Андреевна Титова. И нам ведь сказано – мамашек с маленькими детьми рассматривать в самую последнюю очередь. Это же и идиоту ясно, что работницы из них никакие.

– Ну, в переводческом четыре единицы не набраны. Для

них уже и последняя очередь покатит, если они язык знают, – я пожимаю плечами. Казаться хладнокровным внезапно оказывается очень непросто – внутри лихорадит в шторме кровавое море.

– Ну, так что, – Кристина скрещивает руки на груди, и глядит на меня с вызовом, – значит, мы можем брать кого попало с улицы? А ты, наверное, спишь и видишь, как удочеришь чужую малявку, а, Ветров?

– Всю жизнь мечтал, – саркастично откликаюсь я. В оправдания я ударяться не намерен – делать мне нечего, еще поощрять ревность Кристины.

Хотя… Не сказать, что у неё нет поводов для ревности сейчас…

Андреевна.

Ан-дре-е-вна!

Она не только спала с Завьяловым. Она еще от него и родила.

Вот почему она в такой паршивой ситуации с работой – немногие папики, вроде Завьялова, согласятся, чтобы любовница от них рожала. Он ведь был женат. Причем женат он был не сколько на женщине, сколько на деньгах её отца. У Завьялова был свой официальный наследник. На кой черт ему еще и на стороне дети?

И на кой черт его жене те, кто могут отпилить от завьяловского наследства хоть даже лишнюю крошечку?

Обычно таких вот залетных дурынд заставляли сделать

аборт. Чтобы надежно, чтобы никто потом не явился и не потребовал наследства, денег, чего угодно. Делить капитал никто не любит.

Вика же осмелилась родить. И, судя по всему, алименты ей Завьялов не выплачивал. Ребенку от папочки досталось только отчество.

Викки не хватило пороху явиться к нему с требованием признать отцовство? Или она оказалась слишком гордая для этого?

Да, это походит на правду. Моя Викки такой и была. Её послали, вышвырнули, ну, максимум деньжат на дорожку кинули. А она и обиделась.

Ушла, порвала с любовником и со всем миром в придачу, родила ребенка для себя и тянула вопреки всему.

Тянула, как лямку. Хотя все могло быть и по-другому!

Это мог быть наш ребенок. Наша с ней дочь! Моя дочь, в конце концов.

Моя девочка, за которую я порвал бы в клочья любого. Отрывал бы по пальчику, вырывал бы глотки.

Моя маленькая принцесса, которая точно бы никогда и ни в чем не нуждалась.

И которую вряд ли уж очень баловала переводчица в задрипанном музее.

Но не моя.

Андреевна!

Господи, как не пойти и не придушить эту?..

Хочется – прямо сейчас, благо между нами всего пара секунд на лифте.

Всего-то и делов, дотянуться до тонкой шее и придушить, к чертовой матери!

Стоило оно того, Вик? Стоило меня предавать?

Хотя… Какое мне сейчас до неё дело? Её ребенок – её проблемы. Но боже, как же бесит…

От него она родила. От него – решилась. А я… А я два года из трех нашей семейной жизни её уговаривал обдумать вопрос рождения детей. И слушал отмазки, что нужно закончить учебу, нужно разобраться с работой… Вот эту всю ерунду.

Так и выходит, что просто она не хотела детей от меня. От кого угодно, только не от меня!

Нет, смертельно необходимо выжить мою бывшую жену из Рафарма в скором темпе. А на прощанье – пожелать ей катиться к Завьялову.

Пусть, в конце концов, этот мудак хоть что-то для неё сделает. Раз уж он настолько запал ей в душу, что от него она даже ребенка родила!

И слава богу, что есть эта чашка чая, которую можно с нейтральной рожей, медленно опустошать. Иначе Крис наверняка бы напрягло мое молчание.

В кармане вибрирует телефон – уже по звукам труб, поставленным на звонок, я понимаю – звонит Эд. Труба зовет, да! Меня потеряли?

– Где ты, Ветров? – сухо интересуется Козырь, когда я беру трубку. – На месте?

Необходимость вернуться к работе успокаивает. Отключиться от эмоций – иногда бывает спасением. Жизненно необходимым спасательным кругом. Кажется, я сейчас с ума сойду от этого бешенства.

– Почти, – честно откликаюсь я, успокаивающе проводя Крис по скуле. Успокаиваю я больше себя.

Вот она – моя женщина. Не какая-то там вертихвостка, а моя Кристина. И вот с ней у меня и будет и дочь, и сын, и все остальное.

Может, и вправду не стоит затягивать с женитьбой…

– Ну, окей, пусть твое «почти» решит, наконец, кадровые проблемы в переводческом, – небрежно бросает Эд, – потому что я теряю терпение.

– Я передам, Эдуард Александрович, – киваю я, хотя нет необходимости. Кристина это слышит – громкость у моего телефона на максимуме – и зябко ежится, а потом будто встряхивается, сбрасывает с себя напряженность и лишние эмоции. – Что-то еще?

– Смотрел уже иски, которые с утра прислали? Есть что-то серьезное?

– Да, – я хмурюсь, припоминая, – пожалуй, есть.

– Подтягивайся в курилку, обсудим, – Эд, разумеется, тут же сбрасывает.

Меня аж потряхивает от досады. Вот потерять черт его

знает сколько времени, бегая вокруг моей бывшей жены – Козырь может. Выделить чуть больше времени на деловой разговор…

Впрочем, ладно, курилка так курилка.

Я как раз хочу накуриться до тошноты. Чтобы хотя бы было оправдание этой непонятной горечи в груди.

7. Фортуна обещает потепление

– Тук-тук…

Я аж вздрагиваю, отрываясь от листа с переводом. Это был контракт – пока небольшой, незначительный, но все равно рабочий. И налажать с первым же проектом для Рафарма, особенно тем, который Козырь лично сунул мне в руки и даже обещал сам проверить… Мне не хотелось, вообще никак! Поэтому ушла в себя.

За моей спиной стоит Николай. Опирается плечом о дверной косяк.

– Можно? – лукаво улыбается мой шеф, и я даже удивляюсь такому контрасту.

Во время рабочего дня он был в образе этакого сухого мрачного типа, от грозного взгляда которого сразу отказывало желание сходить покурить, и вспоминалось, что у тебя вообще-то ужасно мало сделано.

– Вы уже вошли, вообще-то, Николай Андреевич, – я чувствую себя странно под пристальным взглядом серых глаз драгоценного начальства.

– Ну, я стучал, – Николай чуть пожимает одним плечом, – вы не ответили, Виктория.

А еще я не заметила, как он вошел в наш мини-мирок на четверых переводчиков. А кстати, почему больше никого нет на месте?

– Да, я… Заработалась… – я бросаю взгляд на часы. Круто. Сорок минут как закончился мой первый рабочий день в Рафарме. Я его пережила! И меня даже не подняли на вилы, и не сожгли на костре как ведьму, околдовавшую главу компании.

– В следующий раз учтите, что сверхурочные оформляются отдельно, – Николай проходит в кабинет и присаживается на край соседнего со мной стола. Тот стол – моего официального куратора до конца испытательного срока. Впрочем, сейчас Алисы уже нет, ну и хорошо.

– Ну, как прошел первый рабочий день? – со вполне искренним любопытством интересуется Николай. Я аж теряюсь слегка. Это он так контакт с новой сотрудницей налаживает или что-то еще?

И как прошел мой рабочий день? Честно? Я чуть тушуюсь, чтобы подобрать описание моих впечатлений так, чтобы его можно было подать на блюдечке непосредственному руководству.

– Виктория, ну не молчите, – Николай смеется, чуть склоняя голову набок, – в конце концов, вы не преступница, а я – не полицейский. И все, что вы скажете, – не будет использовано против вас.

Надо же. Мужик и с чувством юмора – редкий зверь. А этот – еще и симпатичный. Ох-хо, джекпот? Судьба решила в кои-то веки выкинуть мне три семерки?

Ну, это вряд ли. Я-то со своим везением уже тридцать лет

живу. И все про себя знаю. Но поводов обостряться паранойей у меня вроде как нет.

– Хотите откровенности? – я чуть потягиваюсь и замечаю, как заинтересованный взгляд Николая скользит чуть ниже линии моих ключиц. На секунду, на мгновение, но скользит.

Ай-яй-яй, Николай Андреевич! Мои глаза в другом месте расположены!

И все же приятно, блин…

Нет, чисто теоретически я должна бы переживать из-за недавнего расставания с Русланом, но как-то… Стало легче, когда у меня появился повод не отвечать на его звонки. Он встретил меня позавчера у подъезда моего дома, попытался покаяться, включить самца и полезть обжиматься, но слился, как только услышал обещание вызвать полицию и обвинить его в домогательствах.

Руслан меня раздражал. Слишком назойливый, слишком требовательный, слишком обидчивый.

Я не познакомила его с дочерью – я ему не доверяю!

Я не вожу его к себе – у меня, наверное, уже мужик есть!

Я не могу носиться к нему по первому свистку этого горячего восточного юноши – все, капец, я к нему равнодушна, да таких, как я – у него как грязи, а я не ценю внимание его божественного сиятельства.

Поэтому на свадьбе – да, я выбесилась. Еще бы не выбесилась – имеет же наглость, при мне тискать левую бабу. Ты уж честно скажи, что вот оно – твое. Ты это хочешь! От меня

отвали, раз уж так!

Зато сейчас, несколько дней спустя, мне уже ровно. Я будто выдавила прыщик. Оно поболело, но мы же знаем, что в прыщиках нет ни пользы, ни красоты…

Это, наверное, возрастное – не разбиваться сердцем из-за всякого мудака. Какая жалость, что когда меня бросил Ветров, у меня такого навыка не было…

А вот внимание Николая мне внезапно льстит. Тем более, что как успели мне наболтать разговорчивые девчонки, он абсолютно свободен. И сидит тут. Таращится на меня. Пусть это далеко от мечтательного «он полюбил меня за мою прекрасную душу», но не все же сразу.

Мы пока что просто разговариваем.

– Откровенность – это замечательно, – Николай кивает, чуть поправляя на носу очки, – да, Виктория, я с удовольствием бы услышал ваши искренние впечатление от нашего… – он заминается, но больше для проформы, – дурдома.

Так ласково говорит… Вообще я уже поняла, что тот костяк переводчиков, что в Рафарме упорно держится, – это фавориты Николая Ольшанского. Он упрямо не дает в обиду именно своих. А на новичков еще смотрит. Пристально! Он не очень доволен подбором Кристины, как я поняла…

– Не знаю, доживу ли я тут до конца недели, – я немного смущенно опускаю ресницы, – сегодня чуть мозг не взорвался. Море инструкций. Задание от Эдуарда Александровича. Анжела Леонидовна только за сегодня сделала мне три

замечания…

Анжела – заместитель Николая, менеджер нашего отдела – или просто “бестия с таймером”, которой всегда и до всего есть дело.

Кто тут явился в одежде не по форме и очень хочет штраф?

Кто сколько раз сходил на перекур – и, что важно, курил дольше установленного регламентом времени перерыва?

Кто ушел на обед раньше срока? Опоздал на минуту? На две? Боже, да вы что, вам настолько не нужна эта работа?

– У Анжелы стиль жизни такой, – Николай смеется, передергивая плечами, намекая, что я зря заморачиваюсь, – если хоть кто-то из сотрудников день без замечаний проходил – это значит, что он на работу не вышел.

– Или не вышла Анжела Леонидовна?

– Ну, в теории Анжела, конечно, может не выйти, – Николай задумчиво щурит свои светло-серые глаза, – на практике – у неё за три года ни одного больничного не было.

– Может, она киборг? – неосторожно срывается у меня с языка. Впрочем, пенять на субординацию мне никто не спешит.

– Как в Терминаторе? – у Николая в глазах начинают приплясывать чертята, или мне мерещится? – Чур, в расплавленной стали мы её топить не будем. У нашего отдела без неё был ниже коэффициент эффективности.

– Ну, раз вы просите, Николай Андреевич, так и быть, да-

вайте не будем, – драматично вздыхаю я.

И все же, до чего приятный мужик…

Долгий взгляд, загадочное молчание. Мне кажется, или что-то терпкое разлито в воздухе? Что-то, что даже мешает нам моргать.

– Я очень форсирую события, – Николай на минуту прикрывает глаза, а потом смотрит на меня цепко, будто не желая выпускать из виду ни на секунду, – но, Виктория, может, мы поужинаем? Хотел дождаться до конца вашего испытательного срока, но… Сейчас ощущаю, что ждать не хочу.

Звучит как «хочу съесть вас прямо сейчас».

Фортуна, прекрати! Я ведь могу принять твою улыбку за чистую монету.

Ладно, напомним о реальности. И себе, и фортуне. Тем более что служебный роман с новым начальником – это точно не то, что мне нужно в первый рабочий день.

– Мне жаль, Николай Андреевич, – я чуть качаю головой, без особого удовольствия, наблюдая, как улыбка на мужском лице слабеет, – меня ждет дома дочь, и я хочу приехать до того, как она ляжет спать. Я на ночь всегда ей читаю.

Возможно, это неразумно, и портить отношения с этим самым начальником – идея неважная, откуда я знаю, может, он меня завалит во время испытательного срока. Но… Вообще-то девчонки, в кабинете с которыми теперь сижу я, говорили, что он – лютейший профи и по минимуму смешивает личное и рабочее. Кажется, одним из переводчиков инструк-

ций к медтехнике работал новый муж его бывшей жены.

Нормально работал… Года два уже, кажется!

Так что… Так что нет, мне сейчас более-менее спокойно. Лучше сразу очертить условия моей задачи.

– Дочь, значит, – Николай произносит это задумчиво, будто разбирая слово на вкус, – да, это веский повод для отказа. Значит, все-таки в другой раз.

Надо же… Он серьезно не намерен сливаться?

– Тогда позвольте вас подвезти, Виктория, – невозмутимо заканчивает Николай, – вы же не посмеете мне отказать второй раз за вечер?

– Как грозно звучит, – я смеюсь, – а если я осмелюсь? Вы прикуете меня к батарее и будете пытать меня, пока я не соглашусь?

– К батарее? – Николай хмурится, будто прикидывая. – Черт, кажется я забыл наручники.

– Дома?

– Виктория, вы меня обижаете, – Николай качает головой все с той же насмешливой улыбкой, – в подвале. Где томится уже четырнадцать невинно похищенных жертв. Будете пятнадцатой? Я буду навещать вас чаще прочих. В конце концов, другие жертвы на японском и пары слов не свяжут.

– Какая честь, – я откидываюсь на спинку моего стула, разглядывая этот дивный образчик остроумия, – но пожалуй – я все-таки откажусь. Вы ужасно безответственны и забыли наручники. Это непростительно!

– Согласен, – Николай разводит руками, – тогда возвращаемся к вашему плану. Батарея, пытки. Или, может, будет достаточно вас скотчем к стулу привязать? Скотча у нас тут завались…

– Вопрос пыток уже определен, я так понимаю? – фыркаю я. – Метод тоже выбрали?

– Ну, конечно, – Николай округляет глаза, будто спрашивая, как это я могла в нем усомниться, – я буду петь вам, Виктория. Миллион алых роз. На японском. Поверьте, более жестокой пытки мир еще не придумал.

Черт. Черт, черт, черт.

Давно мне не попадался настолько юморной мужик…

– Так что, Виктория? – Николай чуть подбрасывает в ладони брелок с ключами от машины. – Позволите вас подвезти?

– Я живу в Люберцах, – если бы Николай был спринтером, а я – финишной линией – это был бы выстрел ему в голень.

– Ну что ж, должно же быть в моей жизни место подвигу… – Николай разводит руками и делает физиономию в духе «я же сам напросился».

Нет, ну как отказать ему еще раз после такого?

А уж тем более, что мне становится немножко плохо, когда я думаю о том, что после метро придется еще и на автобусе трястись…

А Маруська все-таки ждет. И новостей о том, как мама устроилась на крутую работу, она тоже ждет. Мой самый

главный, самый важный болельщик!

– Туше, – я поднимаю вверх ладошки, – совершенно не представляю, чем еще смогу вам отбить желание ехать в такую даль.

– Вот и чудненько, – Николай кивает, – тогда поехали. Иначе сказку на ночь вы будете читать мне, Виктория. Где-нибудь на Зенинском шоссе.

Такое ощущение, что никто из нас не может остановиться в этой бесконечной пикировке.

Это как партия в теннис, и никто не хочет быть тем, кому все-таки забьют.

Весело.

Никогда не думала, что вот так буду перешучиваться аж со своим начальником. Но это – тепло. А я уже очень давно не помню, чтобы мне было тепло…

Конечно, в сказочной сказке хотелось бы, чтобы было жарко. Как в первый раз. Но тот раз… Тот раз плохо закончился. И может быть, какая-нибудь романтичная идиотка и станет тупить и желать снова обжечься – я не хочу. Больше не хочу.

Мне – достаточно и этого легкого, такого мартовского тепла. Когда можно в спокойном ритме шагать совсем рядышком с мужчиной, иногда задевая его локоть своим и безобидно перешучиваться.

Дойти до лифта – что может быть приятнее в таких условиях задачи?

Мы не одни поздние пташки – из дверей юридического отдела, расположенного с переводческим на одном этаже – да, да, мне везет как утопленнице в этом вопросе – как раз когда мы с Николаем останавливаемся у лифтов, выплетается стайка уставших парней.

Они – шумные, обсуждают детали какого-то скандального процесса, и их много. И когда они появляются – Николай будто придвигается ко мне ближе, опуская ладонь мне на плечо.

Вроде и не сексуально окрашенный жест, но, но… Но все равно, будто обозначающий «территорию». А мне немного неловко даже…

Немного… До тех самых пор, пока я не замечаю – вслед за теми младшими сотрудниками к лифтам неторопливой походкой шагает и Ветров. И смотрит на меня. И на руку Николая на моем плече…

Нет, я не хочу её стряхнуть.

Я только хочу, чтобы эта рука лежала где-нибудь пониже…

8. Вкус сумасшествия

Какого черта, а?

Я останавливаюсь напротив лифта и хочу каким-нибудь магическим образом найти в кармане топор. Ну, или хотя бы удавку. Потому что…

Имеет же наглость! Прямо при мне! И при прочем «честном народе» стоять так близко к своему начальнику, что, уже не приглядываясь, видно, сколько видов друг на дружку они имеют.

Какая жалость, что в Рафарме нет запретов на служебные романы. Потому что Викки его явно не хватает. И дня её тут не прошло, а она уже подцепила Ольшанского. Чертова вертихвостка!

От меня и моих подчиненных Викки отворачивается, как только замечает меня.

Будто это я – прокаженный, неверный, предатель, не достойный даже её взгляда.

Я вроде перекурил, забил работой утреннее удушающе паршивое настроение, но вот сейчас все крепче желание дотянуться уже наконец до этой наглой дряни. И хотя бы встряхнуть! Сбить с неё вот эту высокомерную спесь, на которую она совершенно не имеет права. И оттащить её подальше от Ольшанского… Километра, скажем, на два, чтобы точно не дотянулся до неё.

Вот уж чего не ожидал, того не ожидал – так это увидеть их вдвоем и настолько близко друг к другу. Наш Николай Андреевич обычно на работе не искал себе подружек, да и вообще он был мужик обстоятельный, на всяких одноразовых девочек не разменивался…

А нет, они останавливаются рядом друг с дружкой, и пока мы ждем эти несколько секунд взлёта лифта, эти двое о чем-то треплются на японском. Начинает Викки, а Николай Андреевич, тут же выкрутив обаятельную улыбку на полную, отзывается.

Этикет? Ну, тот деловой этикет, который прохладно относится к вот такой вот болтовне на иностранном языке «при честном народе». В него высморкались, а потом сунули в шредер и распустили на полосочки.

Для нас будто нарочно подчеркивается, что у этих двоих свои темы для разговоров, которые они не хотят делить с какими-то там юристами.

Для меня подчеркивается…

Моя же подчиненная – Вера Смирнова – встает рядышком с Викки, нетерпеливо гипнотизируя взглядом дисплейчик над лифтом.

Викки смотрится контрастно. И дело даже не в отсутствии типовой рафармовской формы – в черном Викки смотрится как этакая ласточка среди серых мышей. И все же дело не в этом.

На ней почти нет макияжа. Это не заметно, если не при-

глядываться, и если не с чем сравнивать. Одна только помада нежно-клубничного цвета, и все…

Вера же – типичная презентабельная рафармовская девочка, а так как регулярно контактирует то с клиентами, то еще с кем – выхолощенная, ухоженная, не хуже Кристины.

Вообще-то я затевал этот анализ для того, чтобы сделать вывод не в пользу Викки…

А мне же только хочется посоветовать Вере умыться. Потому что да, оказывается, можно быть яркой даже без этого сантиметрового слоя штукатурки на лице.

Все-таки естественность – всегда с головой разнесет искусственность. Лишь бы были данные!

У Вики они есть…

Хочется чертыхаться так, чтобы в аду повзрывались все котлы сразу.

Я не должен на неё смотреть. Не должен! Особенно так пристально, втайне желая придушить Ольшанского.

Викки смеется. То и дело глядит на Николая из-под ресниц, совершенно отчетливо флиртуя. Три раза за одну минуту проходится пальцем по волосам.

Викки, Викки, а как же твой летчик, о котором ты мне пела песни перед рестораном? Сдулся? Кавалер, имеющий возможность чуть что оказаться рядом, тебе актуальнее? Или ты просто нашла Ника более выгодным?

Хотя о чем это я, она ж сама спалилась тогда, что жениха дивным образом сочетает с любовником.

Хочется только фыркнуть и отвернуться. А получается только смотреть и слышать, как все громче шумит ярость за спиной. И замечать… Замечать!

Замечать, как Ольшанский осторожно спускается пальцами чуть ниже по обтянутому черной тканью плечику Викки, и уже это кажется неприемлемым. Непристойным!

Они бы еще прямо тут раздеваться начали!

Я снова чувствую себя оленем. Ослепленным. Оглушенным. Окостеневшим. Не шелохнешься, не выдохнешь, не отведешь глаза…

А я-то надеялся, что это дерьмо оставил за спиной после развода… Те времена, когда мне хотелось кровавой расправы для тех, кто хотя бы сидел с ней рядом на парах. Ну, до того, как это место на постоянной основе занял я.

Хорошо, что Кристина уехала. Не стала меня дожидаться и отправилась домой лечить нервы после разноса Козыря.

Сейчас я бы заработал себе такой компромат, что даже сам свои интересы защищать бы не взялся. А уж меня-то на уголовных процессах прокуроры терпеть не могли. Отмазывал даже… Много кого отмазывал, короче говоря.

Но сейчас… Сейчас я даже не особенно слышу, о чем болтают мои подчиненные. Обратись сейчас ко мне кто-то по имени, я бы и то расслышал не сразу.

И тысячу раз повторив в уме имя Кристины, я все равно не могу перестать прожигать Викки взглядом.

Не помогает. И это бесит! Она – меня бесит. Она – нароч-

но отвернувшаяся от меня, она – так лучезарно улыбающаяся Николаю, что мне хочется проломить ему голову, она…

– Боже, ну наконец-то, – ворчит Смирнова, когда двери в лифте наконец-то разъезжаться. Ну, а что поделать. В нашей башне рабочие дни заканчиваются в разное время, лифты носятся туда-сюда, почти постоянно заняты.

Ненавижу давку в лифтах. Вообще терпеть не могу, когда в лифте больше четырех человек. И, в общем и целом я почти готов подождать более свободной кабины, но…

Ольшанский тянет Викки в лифт, куда грузятся и мои подчиненные.

Черт, ну мне же нет до неё никакого дела. Вообще!

После того, что я узнал про её ребенка – я только еще сильнее не хочу её видеть, и еще меньше – находиться с ней рядом, но…

В лифт я шагаю самым последним.

Будто бы я всерьез намерен подкараулить Викки и уже придушить её наконец!

Нет. Но… Оставлять этих двоих наедине я вообще не хочу.

Мне удается протиснуться к левой стене кабины. Туда, куда мне и нужно.

Собственно к Николаю, который в кои-то веки меня замечает и даже удостаивает меня кивка. Мы уже виделись в течение дня, здороваться тут бессмысленно. Тем более, что Ольшанского занимаю сейчас вообще не я.

Николай по-прежнему приобнимает мою бывшую за плечо, осторожно её по нему поглаживая. Викки же – от меня отворачивается, как только замечает. Снова выражает это свое отчаянное отвращение от моей персоны.

Или, может быть, этой дряни все-таки совестно глядеть мне в глаза? Стыдно?

Ветров, да ты мечтатель!

Это форменный трэш. Но воздух, который я вдыхаю, медленно вскипает, когда я понимаю ситуацию целиком.

Она – рядом. Рядом со мной! Настолько, что я ощущаю жар её тела.

На меня накатывает духота. Хочется растянуть удавку галстука, но я все-таки удерживаюсь от этого. Это – слабость, я точно знаю. И миру я её не явлю.

Удерживаюсь. Но жадно втягиваю носом воздух, незаметно придвигаясь к Викки чуть ближе.

Кофе и сигареты. Именно ими пахнет от волос. Крепко так пахнет, я ощущаю этот запах даже в полушаге от неё. Ничего не изменилось. Все как и тогда.

– Закройте двери, – пишит зажатая парнями в угол Вера Смирнова – лифт подвисает. С ним это бывает, когда нагрузка очень близка к предельной, но еще не достигла этой цифры.

Интересно, сколько времени эту ерунду будут ремонтировать? Второй месяц уже разобраться не могут. Только и слышно от техдиректора нашей башни, что «в мозгах где-то

проблема».

Не сомневаюсь. Только вряд ли речь об электронных чипах лифта. Куда вероятнее – в кривых глазах работников, что не могут найти баг.

К панели управления лифтом я ближе всех. Ну, после Викки, конечно, но она стоит ко мне спиной, в сторону Ольшанского повернувшись только улыбкой.

Какая отличная возможность…

Еще до того как я успеваю сообразить – я таки тянусь к кнопке закрывания дверей, заодно убеждаясь, что на первый этаж лифт уже направляется.

Это не необходимость. Это повод. Повод «на обратном пути» чуть задеть пальцами талию Викки, коснуться её ладонью, ощутить, как она вздрагивает, разворачиваясь ко мне.

В кои-то веки она разворачивается ко мне лицом.

– Ветров, ты совсем? – я читаю по губам и поднимаю брови. Типа, я не понимаю, о чем это она. Типа, и не пылает у меня правая ладонь, та самая, которой я прикасался к Викки, будто я искупал её в кипящем масле.

Одно только прикосновение – и вот он, результат.

Хочу еще. Хочу больше её. Нельзя, не стоит она того, но никто в мире мне сейчас не запретит хотеть!

А Викки возмущенно смотрит на меня своими огромными светло-карими глазами, будто ожидая, что я уступлю и отодвинусь.

Вот вроде обычный у неё цвет глаз. Совершенно – мне с

нашим семейным ультрамариновым синим есть с чем сравнивать. Карий – обычный. Тем более такой не ясный, застрявший между карим и светло-зеленым.

Так почему же в эти её глаза хочется только смотреть и смотреть? Мне! Мне, который знает всю правду об этой конкретной женщине.

Снова отворачивается, взглядом будто отвесив мне пощечину.

И снова раздражение разъяренно сталкивает тучи в моей душе. Снова раздражение.

По-прежнему хочется большего, до сухости во рту – оторвать эту наглую фифу от Николая, прижать к этой чертовой стенке лифта и взять с неё все. Все, что она мне задолжала! С процентами!

– Ура! – восклицает кто-то из моих новичков, когда створки кабинки лифта наконец разъезжаются.

Свобода! Ну, по крайней мере от части народа – а наш путь – на второй уровень подземной парковки. Наш, да. У Николая парковочное место тоже там. На одном уровне со мной.

Викки отодвигается от меня и кажется – чуть прижимается к Ольшанскому. Прижимается!

Еще не вплотную, но… Но до этого не так и долго.

И почему у меня нет личного вертолета, а? Глядишь, и не пришлось бы с неудовольствием шагать за бывшей и любоваться, как бесстыже она держит за локоть моего же коллегу

по работе. С которым я постоянно пересекаюсь, между прочим, на тех же переговорах, во время подготовки к ним, и так далее!

Нет, это никуда не годится.

Я не хочу постоянно окунаться вот в это. Как не хотел после развода.

Потому что знал, знал! Потому, что даже просто не придушить её за предательство, а молча уйти мне было сложно. А сталкиваться на регулярной основе… Снова и снова думать, каково бы было, если бы эта конкретная женщина принадлежала мне?

Вот почему из всех женщин мира я умудрился настолько сильно зациклиться именно на этой? На ветреной, легкомысленной и безумно взрывной занозе!

Она не была первой, не была и последней. Цепляться было не за что. Но только Викки я слишком долгое время хотел именовать своей единственной. Ну, во времена юношеского идиотизма, когда пойти в ЗАГС было чем-то вроде испытания на смелость.

Я помню, как убеждал Вик. Помню, что встречались мы с самого первого курса, и на втором я наконец сумел спланировать маршрут прогулки так, чтобы мы оказались у ЗАГСа в рабочее время. И дождь ливанул так вовремя, что мы прятались от него под козырьком этого самого заведения.

А потом мне и пришлось шепнуть Викки в самое ушко, что это просто знак судьбы. Она брыкалась. Пришлось затас-

кивать на плече.

Регистраторши – эти престарелые старые девы долго ругались и даже пытались не принимать у нас заявления, но у меня и тогда был отлично подвешен язык.

И я очень хотел именовать ту несносную девчонку своей женщиной.

И сейчас хочу. Вопреки всей логике и остаткам выдержки.

Не добил я эту романтичную придурь, ох, не добил!

Ну, уж нет. Я не буду подбирать её с её обочины, я не буду давать ей никаких вторых шансов.

Ничего незаменимого в ней нет, в конце концов.

Осталось только понять, почему не получается не впиваться пальцами в руль, глядя как Ольшанский открывает перед Викки дверь своей тачки.

– Не смей, – я понимаю, что шепчу эти два слова раз за разом, не затыкаясь, глядя как Вика без лишней спешки, грациозно опускается на кресло рядом с водителем.

Ну твою ж мать, Викки!

Она в чертовой узкой юбке. В юбке!

У Николая Андреевича будет даже слишком хороший вид на её колени.

Нет. Это нереально – то, как она влияет на меня. Вот так, чтобы я уже ненавидел привычного мне коллегу по работе, который – я точно знаю – нормальный мужик.

Но вот со вкусом на баб ему не подфартило! Как и мне когда-то. Но дальше так продолжаться не может.

Я уже натурально готов ей заплатить. Любые деньги – за заявление об уходе.

Лишь бы только сгинула прямо сейчас и больше никогда не появлялась на моем горизонте, мое чертово проклятие. Не появлялась, не будоражила, не выбивала из колеи. Не нарушала никаких моих планов.

И это, кстати, идея…

9. Не все коту масленица

– Признавайтесь, Виктория, там, в лифте, я наступил вам на ногу? – уже притормаживая у моего подъезда, интересуется Николай. – Испортил туфли и жизнь заодно?

– С чего у вас возникли такие мысли? – я пытаюсь выглядеть удивленно, но мои актерские способности мне внезапно отказывают.

Николай пожимает плечами, проницательно глядя на меня.

Мол, все элементарно, Ватсон.

– На вас лица не было с того времени, – все-таки поясняет Николай, – и нет, вы, конечно, пытались сделать вид, что все нормально, но ключевое тут слово «пытались».

Гр-р-р! Я смотрю на этого нахала исподлобья, пытаясь испарить его на месте. Что это за гнусные намеки на мой паршивый артистизм?

Нет, я знаю, что на театральном поприще мне даже карьеру портить бы было не обязательно, меня б хватило только на то, чтобы выдавать какое-нибудь: «Кушать подано», – но напоминать-то мне об этом зачем?

– Ужасно страшно, – Ольшанский угорает, чем дальше, тем сильнее, – спасибо, отлегло, я-то думал, вы злитесь на меня, а вот как оно бы выглядело!

– И может быть, даже страшнее, – многообещающе тяну

я, а потом вздыхаю и отстегиваюсь. Все это весело, конечно, но Маруська, наверное, уже на окне сидит и ждет – когда же мама появится у дома.

Николай ловит меня за пальцы, заставляя остановиться.

– Меня ждут, – улыбаюсь я самую чуточку виновато, – спасибо за то, что подвезли, Николай Андреевич.

– Пожалуйста, – Ник смотрит на меня прямо, не отводя глаз, – я хочу повторить завтра. А как вы на это смотрите?

Как, как… Вот сейчас, стоя на машине у моего дома – далеко не свежей застройки – точно зная, что у меня есть ребенок, осознавая мое материальное положение и продолжая оказывать мне знаки внимания. – он серьезно, вообще?

Ведь ему я такая же «не ровня» как и Ветрову.

Если бы он был замечен в течении дня в какой-нибудь мужской тусовке, если бы обхаживал меня не только он – я бы заподозрила, что пара идиотов поспорила, «кто быстрей завалит эту олениху», но… Он один. И нарочито дистанцируется от рядовых сотрудников. Да и с руководством на какой-то слишком фривольной ноте не общался.

А вот меня Николай так настырно пытается смешить и отогревать, что мне даже совестно, что во время этой поездки я плоховато маскировала собственные эмоции.

– Есть менее времязатратные и более интересные варианты хобби, – замечаю я, давая ему шанс соскочить, если вдруг он предлагает мне это из вежливости.

– Ну, не скажите, – Николай качает головой, – мне вот

смерть как интересно возить вас домой. Давно я не был в Люберцах. Почти экстрим. А ведь мне еще обратно ехать!

– Ну что ж, дайте мне время обдумать ваше неприличное предложение, – я округляю глаза, – я же приличная девушка, а вы так торопите наши отношения…

– Я бы и еще немного поторопил, – это Николай говорит чуть глуше, и очень пристально глядя в мои глаза. И сразу становится понятно, о чем это он, – становится чуточку жарче. Но потом он нахально улыбается, и эта интимная напряженность сходит на нет, – я бы неприлично настоял на том, чтоб в нерабочее время у нас с вами было только «ты» и ничего больше.

Волшебное. Нет, тому же водителю я это предложила спокойно, он все-таки болтался на одном уровне со мной. А вот подкатить к начальнику с предложением отказаться от субординации…

Нет, лично мне не хватило наглости.

– Я у мамы спрошу, можно ли? – я округляю глаза и делаю такое лицо, будто мне сделали самое непристойное предложение в жизни.

– Мама – это святое, – Николай кивает, соглашаясь, что конечно, куда в таком вопросе без веского родительского слова. Все-таки его веселые глаза – это отдельное произведение искусства. И мне нравится, когда он улыбается.

Но мне уже точно пора.

– И все же, Вика, если вас что-то беспокоит – я буду рад

помочь, – произносит Николай, вылезая из машины, когда вылезаю и я.

В его мимике четкое обещание – он явно отвечает за свои слова. Вот только в беспокоящем меня сейчас вопросе Николай Ольшанский мне не поможет.

Не поможет понять, что происходит в мозгах у Ярослава Ветрова. И какого черта сначала его любовница нарочно валит меня на собеседовании, а сам он – спустя восемь лет после развода пытается меня облапать. Какого черта вообще?!! Он точно обычные сигареты курит, а не что покрепче?

Впрочем, чему я удивляюсь, яблоко от яблоньки. Ветров ничем не лучше своего шибанутого на голову папаши…

И все-таки, какая жалость, что я не могу натурально вырвать Ветрову руки! Средние века, вот скажите, зачем вы закончились? Цивилизация предусматривает именно что «цивилизованные» решения проблем.

– До завтра, Николай Андреевич, – я все-таки ставлю точку в этом разговоре. Не надо спасать меня сейчас. Да и не такой у нас с ним уровень доверия, чтоб я сейчас позволила себя спасать.

И все-таки – вечер был хорош. Это невозможно отрицать. Не будь рядом Николая, который будто отрывался за свой рабочий день, шутил и шутил, как завязавший, но сорвавшийся стендапер, мне было бы всяко хуже. И паранойя моя сожрала бы меня с костями. Она ведь обострилась настолько, что готова была видеть во всякой тачке, что отражалась

в боковом зеркале с моей стороны, машину Ветрова.

Ему незачем за мной ехать.

Он не знает.

Да, Кристина видела мои документы, знает, что я мать-одиночка, но еще она видела и отчество моей дочери. И уж вряд ли она соотнесет моего ребенка с Ветровым. А если бы соотнесла – вряд ли бы открыла рот. Не тот тип барышни, чтобы говорить об абсолютной честности в отношениях.

И все-таки: а вдруг?

Вот такое, да! Только в подъезд зашла и забрала почту из ящика, а уже сожрала себя на пустом месте.

Я поднимаюсь на наш девятый этаж под зловещее скрежетание лифта. Пытаюсь выдохнуть. Все было хорошо, меня вон даже довез до дома приятный мужик, мне было весело и тепло.

Сейчас я выйду из лифта, зайду домой, и мое теплое солнце повиснет у меня на шее еще до того, как я успею снять с ног туфли. Вечер сегодняшнего дня закончится хорошо!

Программа составлена – приступаем к исполнению.

– Ага, сейчас, – неслышно откликается Вселенная. Правда, про этот ответ я еще не в курсе.

Лифт доброжелательно – пожалуй, даже слишком – раздвигает створки. В ад, как я понимаю минутой позже, как только выхожу на площадку. Потому что у окна, рядом с дверью моей квартиры, стоит Ярослав Олегович Ветров, собственной персоной.

Стоит и курит, игнорируя запрет на курение в местах общего пользования, так же, как наш китайский датчик задымлений игорит его.

Встреча на Эльбе. Не прошло и восьми лет.

Кажется, моя паранойя была не так уж не права…

Ужасно хочу, чтобы мне было на него плевать. Хоть письмо деду Морозу пиши, ну а что, он же у нас волшебник, что ему стоит?

Что стоит сделать так, чтоб я могла, не заметив Ветрова, пройти в свою квартиру.

Я же не хочу приближаться к нему и на пару метров. И не потому, что боюсь того, что он снова полезет ко мне и будет распускать руки. Здесь, на моей территории, я вполне себе легко двину господину именитому адвокату в третьем поколении по свербящему месту, а после – пожелаю ему поскорей воссоединиться с его второй половиной. И после собеседования я той второй половине даже не сочувствую.

В общем, нет. Я его не боюсь. Но меня от него тошнит. Настолько, что вот уже сейчас сводит желудок.

Из-за Ветрова я только что подъезды не мыла в самые тяжелые моменты.

Из-за этого ублюдка мой диплом превратился в обычную бумажку в красной картоночке. На неё всем плевать. А вот на наличие меня в черном списке адвокатов, на отсутствие лицензии, на увольнение по статье – неа. Не плевать.

И он – явился сюда. Смотрит на меня еще с этой своей

высокомерной улыбочкой. Так и хочется быть не мной, а помесью гопника и алкоголички, чтобы этот аристократ московского разлива побыстрей отсюда свалил, пряча нос в надушенный платочек.

– Ветров, каким ветром в нашем гетто? – быть хладнокровной с ним – легче легкого. Эмоции – для тех, кто мне важен. Для тех, кто мне нравится. Ему – не полагается ни капли моих чувств. Вот только… Ненависть тоже чувство. Увы. Я бы очень хотела, чтобы мне было на него плевать.

А еще лучше – чтобы его не было в моей жизни. Маруська, вот, чтоб была, а Ветрова – чтоб не было. И почему мы до сих пор не научились размножаться почкованием?

– Долго вы прощались, – скучающе замечает Ветров и топит недокуренную сигарету в блюдечке под подъездным кактусом. Уже даже за это я хочу выслать Ветрова куда-нибудь, где вечная мерзлота и даже пингвины не бегают.

Это мой кактус. Я его холю, лелею, он у меня даже цветет. Иногда. Раз в два года! Но всяко он мне дороже Ярослава Ветрова, со всеми его потрохами.

– Это не твое дело, – сухо произношу я, а затем повторяю: – на кой черт ты приперся?

– Не догадываешься? – Яр улыбается чуть не с издевкой, а у меня аж дыхание перехватывает.

Был ли Штирлиц хоть на секунду так близок к провалу, как я сейчас?

Ну, навряд ли Мюллера от радистки Кэт отделяла одна

только двойная дверь.

Он не знает. Он просто не может знать наверняка.

– Ты должна уволиться, – равнодушно бросает Ветров, глядя куда-то сквозь меня, – тебе не место в Рафарме.

Я очень надеюсь, что сейчас я выдыхаю незаметно. Есть еще шанс по-быстрому послать его к черту.

– Это решать не тебе, – господи, вот скажи, где берутся такие моральные уроды? Наверное, там же, где и такие дуры, как я. – Это и решал не ты, Ярик.

У него сводит лицо – от моего приторно-холодного тона, от слишком интимного обращения, возвращающего нас к «тогда». К прошлому, которому лучше было бы не быть. Прошлое, которое для обоих из нас оскорбительно одним лишь фактом своего существования.

И все-таки, что у Ветрова в голове? Я совершенно не понимаю его логические цепочки. Ему вообще не должно быть до меня дела, я – занюханная переводчица, он – светило юр-отдела. Я с ним и встречаться буду только в лифте, потому что даже обедает наша светлость не в обычной столовой «для холопов», неа. В ресторане этажом выше. А он весь вечер сегодня ведет себя как чертов психопат, сначала распуская руки, потом – являясь ко мне и чего-то требуя. Требуя!

Он ушел от меня. Молча, без слов, хотя по последней нашей ночи и нельзя было сказать, что он думает об этом. Напротив. Он будто совершенно сорвался с катушек тогда… Это была одна из тех ночей, в ходе которых поспать не удава-

лось совершенно. И которые не получится забыть, даже если потом ты возненавидишь этого своего безумного любовника. Потому что вот так, как с ним, потом уже ни с кем не будет. Это самый неприятный факт.

Я бы хотела, чтоб было. Желательно – чтоб было даже лучше.

Но всю ту ночь он молчал, терзая меня с неустанным упрямством, как мне казалось потом – даже с ненавистью, но в тишине. Будто пытаясь мне что-то доказать. Но что? Я так и не поняла. Приняла как факт – я ему надоела. Он и сам перестал видеть во мне ценность. Наигрался в игру «золушка и мажор», ускакал на белом коне в поисках своей ровни. Той самой, которую так отчаянно хотел с ним видеть мой драгоценный тесть.

Ну и напоследок – сделал мне «подарочек». Даже два. О втором Ветров, слава богу, не в курсе, но именно второй подарок и оказался настоящим.

– Твое место – здесь, на этой помойке, – Яр брезгливо окидывает взглядом нашу сумрачную лестничную площадку, – а еще ты меня раздражаешь. Так что лучше просто сгинь. Я тебе готов даже заплатить за это. Только сумму назови.

Я недоверчиво качаю головой.

А я-то думала, дно Ветровым уже пробито.

А нет! Он побил собственный рекорд. Дорогу чемпиону!

Ну, а что ты хотела, Вик? Чтобы он упал на колени и попросил прощенья? Ты серьезно?

– Ветров, проваливай к чертовой матери, – устало произношу я, – и лучше обратись к психиатру, у тебя точно что-то не в порядке с головой. Потому что я лично не представляю, насколько нужно бредить, чтобы предлагать вот это. Мне!

– Очень интересно, – Яр ядовито кривит губы и шагает ко мне, – а что же тебе нужно предлагать?

– Иди к черту, – я отступаю на два шага, – можно дальше. Как можно дальше от меня.

И побыстрее. Только это пожелание я придержу при себе, чтобы Яр ничего не заподозрил.

– Я бы с удовольствием, – эта улыбка у Ветрова похожа только на оскал, – но ты устроилась в мою фирму.

– Интересно, Эдуард Александрович будет рад, что ты считаешь его фирму своей?

– Я и эту планету своей назову, только толку-то? Ты же с неё не исчезнешь, – шипит Ветров, глядя на меня сверху вниз. И это не только из-за того, что он выше меня, это еще и эмоциональный посыл.

Вот это самомнение у этого мачо. Все ли его бывшие должны уходить в небытие после расставания или мне оказана особая честь?

Место для отступления у меня заканчивается – я натыкаюсь спиной на стену. Черт…

Ветров же радостно щерится и роняет ладони по бокам от моей головы. Между моей грудной клеткой и его – сантиметров пятнадцать. Твою же… А со стороны, наверное, смот-

рится жутко химично – Алинка наверняка нашла бы это о-о-очень горячим жестом. Меня же тошнит все сильнее.

– Ну, же, Вик, – со все той же издевкой шепчет Ветров, склоняясь ко мне еще ближе, – назови мне цену. Сколько хочешь, чтобы исчезнуть из Рафарма по собственному желанию?

Я не успеваю ничего – ни придумать ему особенно заковыристый посыл, ни сообразить, как вывернуться и ускользнуть в мою квартиру, не устроив драки на лестничной клетке. Знаю я – руки сейчас по нервяку будут трястись сильнее, чем у героя триллера, за которым гонится убийца.

– Мам, это ты? – звучит за моей спиной голос Маруськи. И эта её фраза сопровождается характерным дверным скрипом.

Нет! Нет-нет-нет!

Господи, я же говорила ей не выползать из квартиры, как только на лестничной площадке начинают шуметь. Козявка моя любопытная, что же ты натворила!

Ветров вздрагивает.

Ветров оборачивается.

И этому я помешать не в силах…

10. Рано или поздно, так или иначе

Она стоит в дверях, тревожно переминаясь с ноги на ногу.

Розовая футболка, джинсовый комбинезончик, два хвостика – «как уши у лисички». Отдельный шедевр – тапки-единорожки. Розовые тоже, да…

Обычная девчонка, обычная второклассница. Могли бы быть первоклашками, но мы ужасно торопились!

И я бы на самом деле не переживала. Потому что, ну, мало ли сколько лет моей дочери, кто его знает, как я переживала постразводную депрессию, может, ушла в большой и долгий загул и сама не помню, кто наш папочка.

Даже такой трэшовый вариант меня бы устроил на самом деле. Моей любви к дочери от этого меньше бы не стало.

И будь все так, не будь у меня повода, я бы послала Ветрова лесом, отказала бы ему в праве на генетическую экспертизу, и точно б знала – он бы спрыгнул. Не стал бы добиваться признания отцовства у ребенка, который может быть и не его.

Он же у нас чертов собственник. Он не будет претендовать на игрушку, если будет не уверен, что эта игрушка – только его и ничья больше.

Но… Повод у меня для беспокойства имеется! Налицо, так сказать.

Еще первокурсником Яр заливал мне, что это, мол, у его

семейства доминантный ген такой. Что уже поколений восемь все Ветровы с этим цветом глаз.

Цветом, который я пыталась ненавидеть те девять месяцев после развода.

Цветом глаз моей дочери, красивей которых нет ни в одном уголке этой планеты.

Зашкаливающе-ярким, ультрамариново-синим…

– Мам, – Маруське неуютно и страшно. Еще бы, всякие стремные дядьки тут шляются и как будто бы даже обижают маму. Вряд ли вся эта ситуация со стороны выглядит хотя бы мило.

Моя дочь боится. И подойти к ней мне не сможет помешать никакой Ветров – особенно тот, что сейчас замер бледным призраком и ловит воздух ртом. И смотрит на Маруську, не выпуская её из поля зрения ни на секунду.

Я шагаю мимо него. Маруська вцепляется в меня обеими ручонками, я отвечаю ей взаимностью, глажу дочь по спине.

Сердце мое непоседливое, вот что ж тебе не сиделось дома? Стольких неприятностей нам с тобой удалось бы избежать, потерпи ты самую чуточку.

Почему неприятностей? А вы всерьез верите, что Ярослав Ветров, узнав о том, что семь лет назад я не сообщила ему о рождении дочери, принесет мне пятьсот эскимо от радости? Это только крокодилу Гене такие ништяки обламывались.

– Бабушка спит, бусинка моя? – шепотом в самое ушко Маруськи. Она кивает торопливо и быстро. Ну, ясно. Когда

бабушка спит, в тишине нам становится тревожнее всего. Нет, я не злюсь. Это бесполезно, в конце концов.

Тем более что в чем виновата Маруська? В том, что не очень любит тишину? Она настолько не любит тишину, что до сих пор приходит по ночам спать ко мне. Повышенная тревожность, ага!

– Пять минут подождешь? – ласково спрашиваю я.

– А можно две? – моя маленькая лиса, конечно, тут же начинает торговаться.

– Четыре, – улыбаюсь я, – но сегодня прочитаем на главу больше. Договорились?

– Ага, – Маруська вздыхает, еще три секунды пыхтит мне на ухо, а потом – выскальзывает из моих рук.

– Стоп, – я перехватываю дочь за подбородок, вглядываюсь в лицо.

Царапина на лице. Во всю скулу, от виска к подбородку. Утром её не было.

– Это что? – тихо спрашиваю, касаясь пальцем кожи, рядом с болячкой.

Маруська мрачнеет. Ну, ясно. Это снова Маскарадова или кто-то из её подпевал?

Если бы еще были гарантии, что в другой школе будет как-то иначе… Гарантий нет, но и выбора тоже. Если завуч и дальше будет игнорировать нашу проблему – из этой гимназии мы уйдем. Без особых сожалений. Ну, почти. Гимназия новая, крутая. И фонд у неё отличный…

– Ты ей хорошо наподдала? – заговорщическим тоном уточняю я. Непедагогично – да. Но я не буду прививать моей дочери привычку пасовать, когда её обижают. Маруська снова улыбается, на этот раз – кровожадно. Ой, не завидую я той принцесске, что к ней полезла.

В конце концов, тапки-единорожки на последний Новый Год лежали под елочкой от меня.

А у Деда Мороза моя дочь заказала боксерскую грушу. И гантели.

Дедушка Мороз, разумеется, исполнил её мечту.

Эй, я знаю, что «девочки не дерутся», вот только, ой, сколько вы не знаете о некоторых девочках. Увы, я не могу оплачивать Маруське занятия верховой ездой, а она грезит о лошадях. Но на боксерскую грушу денег я заработала. Сама иногда подумываю, что полупить по груше – отличный антистресс. Жаль, у её перчаток – не мой размерчик.

И, кстати, когда я дарила Маруське этот подарок, у нас этих проблем не было. Мы вроде даже дружили с этой Олей. Это все в этом году началось…

– Четыре минуты, – напоминаю я и закрываю за Маруськой дверь. Напоминаю ей. Проговариваю для Ветрова. Уж он-то точно не заставит меня нарушить слово, данное дочери.

Вообще, круто было бы сейчас нырнуть в квартиру и захлопнуть за собой дверь. Сказать проблемам: «Не хочу». Сделать вид, что их не существует.

– Сколько ей лет? – это первые слова Ветрова, после того, как Маруська приговорила все мое, так тщательно хранимое – её инкогнито. Он смотрит немигающим взглядом в дверь, захлопнувшуюся за Маруськой.

Может, соврать? А сколько у меня шансов, что он поверит в мое вранье? Яр не идиот, в конце концов. Маруська – стройная как кузнечик, вытянулась за последний год. Отличить семилетку от пятилетней пухляши легко. Даже тот, кто в жизни не видел детей, угадает.

И потом – он видел её глаза. Его глаза – и на лице Маруськи. Никакой чертовой генетической экспертизы не надо.

Блин. Вот угораздило меня залипнуть на эти его глаза когда-то. Вот, пожалуйста – до сих пор они мне аукаются. Надо было мутить с отличником Горбачевым. Ну, да, он был нудный, но хотя бы не такая тварь, как некоторые. И никаких «доминантных» особых примет у него не имелось.

Я отвечаю на вопрос Ветрова. Честно отвечаю.

И все, что остается на этой лестничной клетке – это глухая тишина, разбавленная только его хриплыми рваными выдохами.

Я всем седалищным нервом чую – неприятности уже красят губы и готовятся к новому свиданию со мной.

А я-то надеялась, что у нас с ними перерыв в отношениях…

Почему-то сейчас мне кажется, что этот момент был неизбежен. Предрешен на уровне судьбы. Просто потому, что я

же знаю – никогда моя жизнь не была простой.

У меня есть секунд пять, чтоб найти нужные слова для Ветрова. Мне нужно его выставить. Нужно, чтобы он не вздумал качать права.

Миссия действительно невыполнима, с этим не справился бы и Итан Хант.

– Значит, у меня есть дочь, – мне по-настоящему страшно от его спокойного тона, – и я узнаю об этом только сейчас?

Еще по семейной жизни я помню: если Ветров молчит – это угроза катастрофы. Если Ветров говорит с таким вот демонстративным спокойствием – можно готовиться к кровавой бане. И я тут – жертва номер один, первая в расстрельном списке.

Господи, лучше бы сразу взорвался, реально. Тогда не было бы необходимости морально готовиться к марафону ветровского гадства. Я ведь знаю, что он может слишком многое. И его беспринципность делает Ветрова слишком опасным врагом.

Мне отчаянно хочется закурить и сбросить этот ступор, выдохнуть его вместе с дымом. Но… У меня четыре минуты, и я никогда не курю дома. Придется справляться с этим всем внутренними силами.

– Ты ведь не будешь спорить с тем, что она от меня, да, Викки? – от этой лицемерной доброжелательности Яра становится только хуже. И тошнит чуть сильнее.

– Какая тебе разница, Ветров? – скупо отзываюсь я, раз-

ворачиваясь и напрямую встречая взгляд холодных глаз бывшего. – Какая тебе разница, от кого у меня дочь?

Столкновение наших взглядов подобно лобовому столкновению двух поездов. Тормозить никто не намерен. Особенно – я!

В конце концов – зачем бы ему ребенок от меня? Разве не поэтому он свалил в закат, потому что наигрался? Удивительно, как у него еще не завелось статусной женушки и статусных наследничков.

– Ты должна была мне сообщить, – Яр говорит, едва шевеля губами, будто находя оскорбительным тратить силы на разговор со мной.

– Ветров, давай ты не будешь прикидываться невинно пострадавшим, – огрызаюсь я с максимальной агрессией, которую достаю из глубины своей души, – с чего я тебе должна была хоть что-то сообщать? После всего того, что ты сделал для меня?

После всего того, есть ли вообще вопросы, почему я так с ним разговариваю? Тем более – я знаю, вежливость тут не поможет от слова совсем.

– Законы распространяются на всех, – Яр склоняет голову набок, разглядывая меня все с большей отрешенностью, – и ты вправду считаешь, что ты имеешь право лишать меня моих отцовских прав? Решать, имею ли я право знать о моем ребенке? Не слишком ли много ты на себя берешь, Викки?

Он вроде бы ничего не сказал, но в воздухе будто уже про-

звучали тысячи угроз.

– Ветров, чего тебе надо? – устало повторяю я, скрещивая руки на груди, чтобы хоть чуть-чуть почувствовать себя комфортнее. – Я не спрашивала с тебя алиментов, не претендую на твое наследство, мне от тебя вообще ничего не надо. Да и тебе не нужно подтвержденное отцовство над моей дочерью.

– Не тебе это решать, – его глаза свирепеют все сильнее. Надо же. Властному господину смеют диктовать условия?

Мне уже даже не страшно. Мне нужно только, чтобы он от меня отвязался.

– А разве я что-то решала в этом вопросе? – я поднимаю брови. – Ветров, восемь лет прошло. Может, у тебя провалы в памяти, но я тебе напомню: это ты от меня ушел. И мы оба знаем, почему.

– Да, мы оба это знаем, – Яр снова скалится, только теперь меня действительно пробирает, – и тем не менее, ты должна была мне сообщить. Или что? Сколько времени ты не знала, что твой ребенок от меня? Когда проявился мой цвет глаз? В год? В два? Не вчера же!

Судя по выражению его лица – я должна немедленно упасть на колени и разрыдаться горючими слезами раскаянья. Я же, даже если поскребу скребком – и горсточкой чувства вины не разживусь.

И все-таки, как добиться того, чтобы он от меня отвалил? В идеале – чтобы я смогла спокойно работать на новой работе. Я не претендую на самоосознаночку «дай мне кормить

нашу с тобой дочь нормально». Мне наоборот нужно, чтобы Ветров не видел смысла в ребенке от меня. Пусть заводит себе статусных потомков, которых не стыдно показывать статусным приятелям.

– Ну и что твоя дочь знает о папочке? – едко уточняет Яр. – Кто я по твоей легенде? Космонавт? Летчик-испытатель?

Дебильный разговор. И я меньше всего хочу быть его участником. И уж точно не хочу отчитываться перед Ярославом Ветровым о нюансах своего общения с дочерью.

– Ветров, ты от меня ушел, – напоминаю я для особо одаренных, – и ты как-то жил восемь лет, не придавая никакого значения тому, что мы с тобой не очень-то активно предохранялись. Мы оба знаем, что ты ищешь жену из хорошей семьи, с хорошей генетикой. Ровню для тебя. Так все-таки чего-то хочешь от меня и от моей дочери?

– Ну, получается, что дочь у тебя не твоя, а наша, – холодно поправляет меня Ветров. Он не унимается. Все очень плохо!

– Нет, Ярик, она – моя, – я скупо и фальшиво улыбаюсь, – в графе «отец» у моей дочери стоит прочерк. И отчество я ей указывала не в честь тебя.

Судя по выражению лица Яра – это отдельная строчка, за что он хочет меня прикончить.

Эго просто космическое – как же так – его дочь и без его отчества? То, что он слился с моего горизонта и даже о до-

чери узнал вот так, случайно, – не имеет значения.

С отчеством – это была моя мелкая месть, но больше – все-таки страховка. Страховка, что даже если Яр и узнает, что у меня есть ребенок, – споткнется об отчество и не полезет проверять глубоко. Слабенькая страховка, на самом деле, но как-то же работало до этого.

Я бросаю взгляд на часы. Все. Время вышло. К черту Ветрова, меня ждет Маруська. Я еще подумаю, что с этим делать. Буду рыть себе окоп уже по факту.

Я открываю дверь своими ключами.

На мое плечо падает тяжелая ладонь.

– Мы с тобой не договорили, – шипит Ветров раздраженно. А мне все еще не страшно. Я смертельно утомлена общением с «его светлостью».

– Меня ждет моя дочь, Ветров, – холодно откликаюсь я, сбрасывая его руку, – сформулируй уже, чего ты от меня хочешь, кратко и приходи. А лучше – просто забудь. Мне не было от тебя ничего нужно, не нужно и сейчас. У меня есть моя дочь, у тебя – Кристина, которая наверняка будет рада родить тебе игрушечку ваших голубых кровей. Нас оставь в покое.

Шагаю внутрь своей квартиры, захлопываю дверь за собой, медленно стекаю на пол.

Маруська высовывается из кухни с печенькой в руках – поймана на месте преступления, – с легкой тревогой смотрит на меня. Но уличать дочь я сейчас не в состоянии.

В голове звенит, и пальцы мелко трясутся.

Такое ощущение, что только что провела боксерский спарринг.

Я сижу на полу в ожидании звонка. Или стука. Или в конце концов – что Ветров что-нибудь рыкнет мне через дверь.

Ничего.

Тишина.

И когда я встаю и заглядываю в глазок – вижу только пустую площадку.

Ушел. Просто ушел?

Если бы я была оптимисткой – я бы поверила, что он согласился «забыть и оставить в покое». И даст мне спокойно работать в Рафарме, наконец.

Я – реалистка!

Под ложечкой у меня посасывает…

11. Маленькие шаги к большой цели

– Яр, ты в курсе, что вообще-то приемное время у меня начинается с одиннадцати утра? И заканчивается в семь.

– Просто налей чего-нибудь покрепче, – я падаю в кресло напротив рабочего стола Влада и жмурюсь, – не читай мне морали. Я же знаю, что дома ты ночуешь одну ночь из пяти. И ту – если она выпадает на воскресенье.

– И то, одно из двух, – Владислав Каримович Ветров – мой сводный брат – разводит руками, типа я его подловил.

Генеалогия семейства Ветровых достаточно занимательна, с какой стороны ни взгляни. А моя мать так и вообще была всесторонне занятной дамой, которая как единственная дочь своего отца обоих своих мужей «приняла под свою фамилию».

Это было выгодно, особенно моему отцу, который получал известность как член семьи, что была очень известна в широких кругах. Восемь поколений дельцов, последние три из них – юристы и дипломаты.

Но со стороны – лично я над этим только угорал. Силу характера матери я, конечно, знал. Как и размах её закидонов. Теперь даже жаль, что моя дочь с бабушкой так и не познакомится. Хотя… Может, и нет. Мать могла отчудить что-

нибудь еще. Тем более, что Титова матери нравилась. С интуицией на людей у неё было совсем плохо.

– Ну, рассказывай, – Влад с интересом щурится на меня, а сам выдвигает ящик стола, в котором у него лежит бутылка виски «для особых случаев», – почему ты здесь и посреди ночи? Есть ведь места в Москве, где виски повкуснее и кресло потеплее. И все-таки ты здесь. Признаться, чего я ждал меньше всего сегодня – так это твоего звонка и в это время.

– Можно подумать, для него нужны причины, – я морщусь, прикидывая, с чего мне начать. Тут на самом деле такая форма дела, что так сразу и не поймешь, с какой стороны начать давать задачу.

Лучше начать сразу со всех сторон.

И как всегда, результаты нужны были ещё вчера.

А лучше – лет восемь назад, но кто же знал?

Вот так мне и аукнулось нежелание касаться жизни бывшей жены. Как-то по умолчанию казалось, что уж о таком-то она мне скажет! Не смолчит. Я бы даже дал ей шанс…

Нет, настолько необдуманно я бы во второй раз не женился, но шанс снова стать для меня женщиной, которую я не ненавижу, не презираю, у Титовой был. Только она решила, что он ей не нужен.

А у меня до сих пор стоит перед глазами тоненькая девчонка с моими глазами. Растерянная, напуганная, смотрящая на меня как на чужого. Считающая меня чужим.

Моя дочь, которую у меня попросту украли.

Сколько других «пап» у неё было? Скольких еще Титова приводила к моей дочери, сколько ублюдков строили невесть что перед моей дочерью?

Думаю об этом, а лучше не стоит. Нужно выстроить цепочку приоритетов, а у меня в голове чертов хаос и кипучая ярость.

«Оставь нас в покое!»– так и звенит в голове голос Титовой.

Больше не Викки, по-крайней мере про себя. Она была для меня Викки, когда была для меня слишком многим. Сейчас она для меня – только дрянь, укравшая у меня семь лет с дочерью. И даже обращения по фамилии для нее слишком много.

Оставь нас в покое.

Вот оно – то объяснение, почему Завьялов не стал вытаскивать любовницу. Возможно даже, он был не против ребенка, просто сделал генетическую экспертизу и вышиб любовницу с чужим ребенком за дверь. Отправил «к тому, от кого залетела».

А Вика возьми и ко мне не вернись. Обиделась, что я не счел её измену невинным проступком, который можно взять и забыть.

Ей было мало разрушить то, что у нас с ней было. Нужно было и лишить меня того, чего я действительно хотел. Того, на что я имел право.

– И все-таки, тебе нужен был тот, кто тебе нальет? – Влад

прикашливает, возвращая меня к реальности.

– О нет, но почему бы не совокупить приятное с полезным? – я поднимаю одну бровь. – Кто же ищет собутыльника в твоем кабинете, Влад? Самоубийца?

Пить в компании моего братца – только зря переводить алкоголь. Он просто не пьянеет, но при этом его талант выбалтывать из тебя все самое важное, иногда – даже сокровенное, не слабеет ни на секунду. За один покерный стол с ним лучше не садиться, если только денег лишних не завелось.

Дело еще и в том, что Влад – весь в своего отца, первого мужа моей матери, редкостного трудоголика – влюблен в свою работу настолько, что только ограничениями физического мира с ней не спит. Но спит на работе, через раз вспоминая, что зачем-то же он выкупал квартиру двумя этажами ниже своего же офиса.

Его отца, Карима Давидовича, можно было тысячу раз подозревать в леваках, но его работа была у него и первой, и второй, и самой любимой женой вместе взятыми.

В какой-то момент мать просто перестала требовать от Карима того, что он ей дать не мог: того внимания, что он уделял работе. Тогда в её поле зрения и попал мой отец.

– Сильно ты подвисаешь сегодня, – задумчиво тянет Влад, а я морщусь и сжимаю пальцами переносицу. И вправду – не в форме. Слишком много эмоций.

Это магия Титовой – выбивать меня из колеи. Выбивать меня из колеи настолько далеко, что я с трудом возвращаюсь

на привычные для меня рельсы.

– Представь, что ты встречаешь бывшую жену, – я брезгливо морщусь, мне на самом деле все это озвучивать неприятно, – а после – встречаешь её дочь. Взрослую. Похожую на тебя. О которой ты ни слухом, ни духом – потому что росла она в клоповнике бывшей. Под чужим отчеством. Под отчеством того ублюдка, с которым моя женушка ветвила мне рога. Еще есть вопросы, почему я подвисаю?

Влад присвистывает, а потом подливает мне в стакан еще виски.

– Ну, и насколько крепкое тебе нужно подготовить алиби? – самое забавное, что он говорит это ужасно не всерьез, но глаза при этом внимательные и серьезные. Потому что – да, если что, Влад может помочь и с этим.

Хоть это и не то, что мне необходимо.

Да – я самым алчным образом хочу крови Титовой. Но не убийством утолится моя жажда, абсолютно нет. Этого мало!

Но большая моя цель не достигается мгновенно. Я слишком давно в этом кручусь, я знаю, что слишком многое играет не в мою пользу, слишком многое уже потеряло актуальность. Придется идти к цели маленькими шажочками.

Я отхожу к панорамному окну офиса Влада. Смотрю вниз на разноцветный человеческий муравейник, состоящий из цветных огней.

У меня есть дочь. У меня! Маленькая хрупкая девчоночка с моими глазами.

Впрочем, она пока не у меня. Пока! И вот на этом мы возвращаемся к тому, зачем я приехал к своему брату посреди ночи. К тому, в чем он профи, в чем он не знает себе равных.

– Мне нужен компромат, Влад, – отстраненно произношу я, все так же глядя вниз, – на мою бывшую жену. Самый свежий, самый актуальный, все, что ты сможешь найти.

– Хочешь отсудить её? – негромко уточняет брат. – Мелкую?

Все слишком просто, для того, кто понимает, как делаются эти дела.

Я не знаю, почему мир не замер, боясь дышать, чтобы не спугнуть это хрупкое ощущение. Вкус озвученного намерения, установленной цели…

– Да, – отстраненно откликаюсь я, снова вспоминая бледное личико с распахнутыми встревоженными синими глазенками, выглядывающее из-за плеча бывшей, – я очень хочу забрать её себе.

– Давай уточним на старте, – Влад деловито покашливает, и я слышу, как его пальцы за моей спиной начинают тихонько постукивать по клавиатуре ноутбука, – мы фабрикуем компромат или роем настоящий? Сам понимаешь, первое – это иной уровень усилий и затрат. И если нам нужно организовать такое… Ну, короче, проще прямо сейчас начать. А то упустим время и выйдет то, что на экспертизе сдуется как воздушный шарик. Сомневаюсь, что тебя устроит подобная эффективность.

И правильно делаешь, что сомневаешься, братец.

– Там не надо ничего фабриковать, – вот вроде глотаю виски, а все равно не чувствую его вкуса, – там все, что нужно, в принципе имеется. Жених – она сама им хвасталась. Летчик. Бывший любовник. Кандидат в новые любовники с новой работы. Этого уже хватит, чтобы испортить ей образ перед судом. Утаила ребенка – это она тоже молодец. Как обеспечивается уход за ребенком – не очень понятно, у девочки была какая-то царапина на лице. У Маши…

Маша.

Даже произносить про себя имя дочери непривычно. Оно странно ложится на язык, так и хочется произнести его вслух еще раз. Ощутить, как в кровь проникает еще одна крохотная капля странного тепла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.